

Смена

№ 11 (913)
июнь 1965

ПОЕТ
ЭДИТА ПЬЕХА

НЕ ПРОШАЮТСЯ

ный краешек северного полушария, на землю Чукотки, и не почувствовали этого. И только тут, увидев берег, усевшись останками китов, такой театрально-необычный, вдруг ощущали головокружительную радость от того, что побывали на морском пути: погибшие в Атлантике международные посы Красноярск, потом Иркутск, граница полуострова, еще, еще дальше... Стоп! Как чувствуются теперь десять тысяч километров, лежащие за спиной!

Мы шагаем вдоль исполнинского тела, дугой от запада дымящихся внутренностей, сплевывая медную слову. Магний, кровавый мяшок — сердце кита. И еще у кита есть языки. Трудно представить: у кита — и языки! Облизывающийся кит. А языки вот он — кипягомают на трясти — четыреста. Небось, трудно было молчаливым при таком языке. Раздельщики-кучики чавкают резиновыми сапогами, подпрыгивая до бедра. В руках у них лопатки, веревки, закрученные боками с длинными концами. Лезвия кисти для бритвы. Ширма кита пластвается ими, как масло. Скользила скимают кит. Он лежит большинком брусками на берегу, тоньше-тоньше куски тыквы, оранжево-желтые и упрятаны. Белые чайки гуляют по оранжевым брускам, вызывающе смотрят в море.

Каждому свое. Одни колхозы выращивают хлеб, другие — быт китов. Колхоз-китобоец размазнулся от мыса Халтосткина до мыса Дежнева. В его хозяйстве 7 сейнеров и катеров, 35 тысяч оленей, мощная зверевфера; 22 тысячи центнеров морского зверя сдаёт он ежегодно государству.

Поднимаясь с берега, мы натолкнулись на высокого, плотного человека в сером костюме, зеленой кепке и пиджаке, с магнитом для измерения таочек. У него было приветливое лицо, серые живые и требовательные глаза и выправка военного. О том, что он не так уж молод, говорили морщинки у глаз и глубокие залысины висков. Это председатель Григорий Семёнович Гутников. Мы, пожалуй, ожидали более колоритного — энергических движений, мощной целостности, прямых и гордых плеч, властного прищуря. Так нам о нем рассказывали.

Рассказывали, например, как кочевал Гутников со стадами нынешнего «Полярника». Пятьдесят второй год, а в стойбищах еще были кулаки. Полгода склонялся Гутников из одиночек-оленеводов-колхоз. Не убили. А колхоз живет и день.

Гутников — один из тех, кто, в общем-то, делал историю Чукотки. История эта еще прозрачна, как маленький родник. И люди вроде Гутникова видны отчетливо. Имена их стали знамениты, но сами они особенно ничем не блещут. Ехали сюда работать — слесарями, партийным работниками, — а пришлось делать историю: подзадержалась она на Чукотке. Хабаровский спесарь, офицер, воевавший и раненный, потом секретарь партикома завода в Комсомольске-на-Амуре, с марта сорок девятого Гутников — один из главных фигуру Восточной Чукотки. Он строил ее: яркие превращения в благоустроенные поселки, собачьи упряжки — в самолеты, дикий горный ландшафт — в стройные деревни. Перестраивалась и сам. В десантном классе было четыре ученика, пятым записался он, секретарь райкома. Потом в Хабаровске, в высшей партийной, тянула с самыми четырьмя года на стипендии.

Вернувшись в поселок Лаврентия председателем райисполкома. Его астроном, как долгожданного представителя, побывавшего за границей. Жизнь стала спокойней, но это не нравилось Гутникову. Он чувствовал: надо браться за хозяйство Чукотки, за каждую из ячеек, раскиданных по пустынному полуострову. В феврале позапрошлого года Гутников попросил снять с него высокие полно-

мочив и уехал в Лорино — председателем колхоза. Практик, он мечтал о рентабельности чукотских колхозов, о крепости, по-материковски оседлых хозяйствах. Хотел доказать: на Чукотке можно не только выхаживать, но и жить. Он залез на себя зеркальный шифоньер и тяжелые ковры, через все Лорино тащил из сельмага стулья. Он знал, что из каждого окнашка его провожают глаза: иши, обставляется председатель, никак недалеко! осен — «Лорин», — судачили женщины, — ковров накупил, как их тятали на Большую землю! Большинство приезжало на Чукотку на время, рассчитывая посмотреть, что и как, посмотрев, собрать на домишко — и назад. В командировке не покупают зеркальных шифоньеров, ковров, стульев и покрывал — чешки одна на двоих, и винтажную матту. Под железной кровлей торчат чехомызы. Их мало: перед кем выжиматься? Вот вернулся на материки, ух тогда... «Вернемся на материки! — купили себе пальто, как в кино, — мечтает молодая женщина! — абаукор по-весни, как Гутниковский шифоньер купил, как у них; нет, лучше югославский сыртсан!» Супруги сидят на занозистых табуретках, пьют чай из щербатых чашек. Так проходит три года, томят пять. А ведь это не годы — это идет из жизни.

Гутников сделал все, чтобы отучить людей от чумоданных настроений и в быту, и в отношении к делу. Жизнь будет не хуже, и не через год, жизни есть, ее нельзя промывать, вспомнила. Тогда в Лорине вдруг всплыли умные мысли, с которыми нельзя обращаться кое-как. Внедрился непривычный для чукотских хозяйств точнейший учет-расчет. И в лоринских домах все больше появлялись ковров и абаукоров. А с абаукорами приходило хорошее настроение. Чукотка превращалась из временной стоянки в дом. Наверное, потому что упрочилось лоринское хозяйство, потому что не лежит на нем тяжкий отпечаток, северной тщеславии!

— Лорино пролетели! — кричит Валя.

Четыре скончкунки в плаче в губах, ямб-зуре кабинь. Пилоты летят в небо. Валя надевает гармоник, утюжит тубами. Я смотрю на сухощавые лица папчиков, лежащие на штурвале, в которых не хватает счастья, что сейчас мы лягнем в тундре к раненому трактористу. От болтанки хрипят банки с кровью и звякают инструменты хирурга. А сам хирург это сопоставляет на Землю: тянется, небось, можно и побыстрее, разబолавятся летчики, не рискуют, не торопятся, вот бы их на четыре часа к столу, на котором едва тихает жизнь. «Ну, что и приехали! — кричит Валя обозленному хирургу и положит машину на крышу. Маски вытирает вниз, но не сходит и еще минут десять будет тянуть медицину за душу, вставать на крыло и ноториозно дружиться. «Агус, пижонки! — решает этого хирурга. И тут «Аннунций» улыбается, и у Вали вдруг вспыхивает на лице радость, он по-привыканию будет улыбаться. Молодого хирурга бросит на стоянку так, что он потеряет очки и чмоданчик с инструментами. Застонет сестра, разматывая шубленчатый рукав. Расплакнется дверца, и сердитый хирург ушагает по лухам к раненому, так и не заметив, что самолет сидит среди кочек, в тундре, и нет никакой полосы. О посадках в летнюю тундру иногда пишут в газетах под рубрикой «Герои мирных дней».

— Где вы взлетали без полосы у Эмилена? — кричу я Вале.

Он, поморшившись, пожимает плечами:

— Нигде, запрещено инструкцией.

Потом, утешительно, мы с юкором говорили: — На забордемся — вот это летчики! В дождь, ветер, снег, летят!

— Кто летает в дожди? Вот мы сейчас доложим начальству. Я знаю — говоривший таинственно поднимнул: — Земко и Колков летают. Только тихо, ребята, подведите их под монастырь...

За нарушения правил — всегда выговор. А генероман — почти всегда исключение из правил.

— Вот те острова, вон внизу, — кричит Валя, — чистейший мрамор!

Скоро бухта Провидения. Мы вспоминаем, вглядываемся в горы, которые все растут под кромом. Бухта Провидения — что то таинственное, зловещее. Туманные, очень далекие, склоненные единицами бухты. Толчки, входящий в отроги белое бледное. Травяно-гудки винт. И вдруг в промонке среди туманов, вспыхивает земля — земля в горах, склонов, кирзановая синими бухтами, в черном мерцании голых обрывистых скал. Все странно и прекрасно, как в сказке, где по белому бледному склону катится наливное яблочко. Открывается дивная

страна. И снова катится яблочко — белый туман изморозью за стеклом. И снова в молочных клубах где-то скобу, потом снизу выплывает волшебная земля.

— Рокуала Кент, типичный Кент!

Синились. Прямо под крылом всплески графитных гор — темно-серые гладкие, голые, Яркое небо, синее море, белая кайма приоба. «Аннунций» идея вскочил гор в ослепительном коридоре.

— Бухта Эмма. Владник, бухта Пловер! — кричали.

Лодку колышется в черной чаще, и тонкий тонкий дымок-туман строится над широкой головловой. Краски прозрачны и ясны, будто смотрит сквозь линзу. У подножки гор поспел, он взбирается вверх по искусственно террасам, так что видны все дома. Большой поселок, в порту корабли, аккуратные, как в Доме игрушки.

— «Валер! Чкаллов», «Байкал», «Куббасс» — Валя узнает их всех по очертаниям. Что ж, жизнь Чукотки напрочь связана с каждым из этих пароходов. Гейнбиуд в Майнхайльгитно или Уэллес-месяцами ждут тягучего гудка, чтобы выбирать на австреме, бессонно разгрязгать капусту, картошку, вино, гадардо и потом снова ждать тяжелый.

Бухта Провидения. Кто назвал ее так? Отвязный Кук, укравший здесь от свирепого нордвеста, не номин и кипус, потерявший всякий надежду на прекрасную воду и видувший этот край Кого-то она спасла, кого-то укрыла в самой тяжелой для него чаше.

Махонкий горластый катерок доставил нас из Сиреник. У самой пристани детская площадка с полупухом деревянным слоном. То ли из-за этого слова, то ли от разлитой кругом голубизны поклонилась, что десь весел и ужто жить. Почта, магазин, трехэтажные каменные дома, темный силузт электростанции — набережная Дежнева. Мышли по набережной и дивились, сколько здесь щеголеват одетых молодых мужчин и женщин.

— Межрайонный архитектор, инженер с землестроительным диспетчером порта, — обласкал нам Земко — Архитектор из Москвы, диспетчер из Владивостока.

Набережная приводила в порт. Морской порт — краснавейшее современное чудо. Он приносит в поселок свободный блеск, запах огромных просторов и особую веселую свежесть. Стойкий тале океанских лайнеров на рейде, крикливая пебренка катеров, задирнички и вездесущих, стрелы кранов, надменные, как человек в тугом нарядном, воротничке, груды, аспиды, блескующего цугла, ящики с осклепительными налейками, пахнущие на весь порт праской-кальской тайгон смолистой, десерт-десерт-Земко, гудки, урчание, вибрации. И вдруг апельсиновый коктейль среди павильонов расплываются ма-зута душистый кусок черноморского солнца, случайно зацепившийся за якорную цепь. Так всегда в порту: смикаются, смикаются, вытигаются друг друга приемы разных, очень далеких земель. Радиостанция в диспетчерской — глотка порта. Глотка, надо сказать, луженая.

— «тайга», «тайга», я «Радзольный», как с военной борьбой командой! Может, сыграем вечерком?

— Конечно, сыграем, Сережка Когда идет в Кандайду?

Всех подавляет и глушил дремучий и сочный бас:

— Я «Лесогорский», я «Лесогорская». Порт, когда дадите буски! Жемый бытый час.

Бе не даде покос, пока я «Лесогорскую» не подваливает буски, отбовевший у боле терпеливых.

— «Куббасс», «Куббасс», когда выходите в Уэллес...

Порт Провидения — ворота Арктики, подобно тому как Анадырь — ворота Чукотки. Много дюймов зверей. В Провидении суда, уко по-трепанные норд-вестом Охотоморье, испытанные туманами Беринговского и Анадырь, измотанные круглогуточными разгрязгами у поселков Чукотки, истратившие запасы пресной воды, заряжавшиеся толпами, продуктами, водой. Впереди самый трудный путь — Берингов пролив и Ледовитый океан. Лида, штормы, бесплодия.

Порт открыл полога — с начала июня по конец ноября. В июне уходит на Север первый караван, его ведет самый мощный ледокол. Ледяные поля еще крепки, по ночам морозы сковывают полыньи, ветер с полюса пригоняет опас-

ные, глубоко сидящие льдины. В середине лета парадохи уже самостоятельно добираются до Уэллес и дальше. У кромки тяжелых льдов им на помощь приходит ледокол.

— Лучшего места для порта не найти, — слово боясь, что мы в этом усомнимся, убеждал нас Валя. — Капитаны, конечно, будут мыслить: мал, но при северо-восточном. Зато у нас микроклимат: зимой ходим в демисезонном пальто.

Вала, как все провидцы, любит свой поселок и немножко хвастается им. Да Провидение и в самом деле выделяется на Чукотке своей юностью, молодостью, интеллигентностью.

— Вот здесь будет экспериментальный дом с чистыми отпленками, таких, как у вас раза в два больше. Тем шикарнее театр и два пятиэтажных дома. Вала очень удивляется, что в Провидении было еще утиные, красливые, веселые, чтобы те, кто уходит отсюда в неистовий путь на Север, уносили с собой искры легкого, настороженного кматерикового тепла.

В кармне у меня блокнут с такюю вышиски: «17 августа. На рассвете вошли, в зале Креста в тот же день бросили якоря...» Берег производит самое удручающее впечатление: голова тундра, вдаль черноваты горы, жизни никакой. Но берег склад, в полуверсте — жилой домик фактории, обложенный дерьмом, с небольшими, подследовыми окошками. Ближайшее жилье — чукотский поселок в нескольких верстах. Сотрудники, оставленные на фактории, выглядят невесело, особенно женщины. Как на необитаемом острове. Район бухты Провидения пушиной обсыпан, берегом сквозь зора также не обработан в поселок из четырех-пяти ярусов рабочих изолировано фабрикой. Краснавейшее существо бедствует... Записки товарища Н. Галини издены в 1931 году. В зале Креста сейчас один из самых благоустроенных поселков Чукотки — порт Этвигнат. Ну, а в Провидении даже для истории не осталось ни одной из упомянутых зран.

Однажды мы зашли в провиденскую пекарню. Что ни говори, как-то странно и трогательно лемкаться в заплорной столовке сквозь кренделями и приборами. Оказалось, что приборы стряплют не в пекарне. Но все равно мы долго стояли в мучной пыли, вбирая кисловатый запах теста. И дородная рязанская женщина, скрестив на белоснежном халате руки, тягучи рассказывала, как приехала девчонка в Сердце-Камень, далекое-далекое стойбище на Ледовитом океане, как сама сложила там первую (моя) булку (разбуди у нас в всем боржевии). (Моя недородно проворовавшая чукотка, у которой были булочки, а потом рассказала, что еще горячими, «Хлебушко, раз же без него что обойдется?») Женщина усмехнулась, глядя на меня в бессмертной своей профессии. Пахнет тестом и забродившими дрожжами, будто дама перед праздником. Неужели мы в этой самой бухте Провидения, что манила с края карты маленький синий языкчик?

Каждый день катель ворзил нас через бухту в гостиницу, и поселок поворачивался вправо параллельным гирляндами огней. Таким мы и знаем Провидение — либо светимся, в вечернем бризе, с огненными мечтами на рейде, либо пронзительно синим, с черным гребнем обрывистых гор.

По вечерам к нам в гостиницу заглядывал Валя Земко: с темнотой он возвращался из рейсов. Мы сидели втроем при свече (свет то и дело гас), и Валя тоже рассказывал об озере, где горы красной кирды и где он в свое время открыл плацдарм; о горячих ключах, где вода горячая, дури супробов, и о погибшем в боржевии бубе Чукотки, где ему сунули нам на каком-нибудь русле рыбаком, потянули и все время откладывали. Так мы и не дождались этого рассказа: из Провидения улетели неожиданно, собравшись за десять минут. Приходилось дорожить каждым днем: надигралась зима. А тут диспетчер порта сообщила, что на Анадырь уходит самолет, как раз пригрученный к нашим планам. Мы успели забросить рюкзаки в грузовик, увозивший последние посткиты пассажиров. Правда, грустно было вот так, вспомнив, расставаться с прекрасной бухтой, грустно было улететь, не попрощавшись с Валей Земко.

На вечером мы утихли: наш рейс был по-следним. Сиреник закрылся на неделю. Нам, оказывается, повезло.

Поселок Лаврентия — бухта Провидения.

Стихи Дондока Улзытуева открывают для нас красивый и своеобразный поэтический мир Бурятии, древней страны, с ее степями, с ее дремучей тайгой, с Байкалом, с ее легендами и народными песнями.

Мальчик, который в детстве пас овец на склонах зеленых холмов, стал поэтом. На его глазах преобразилась деревня Бурятия, в стели выросли города, линии электропередач, больницы, школы. А рядом высоко в небе кружили степные орлы и мелькали бурятские кони. Вот такой своеобразный, вечно меняющийся и прекрасный мир, близкий природе и человеку, живет в стихах Дондока Улзытуева.

Что такое для вас гармонический мир?
Это темные джунгли и звездная ночь,
и трагический жест, и тропический дождь,
это дикая пляска и страсть
без прикрас—
это для вас.

А для меня —
это — красное солнце в зеленой траве,
это белая бабочка в синеве,
это — ровное счастье весеннего дня —
для меня.

Тепло и нежность на ее губах.
Глаза полны покорности и покоя.
И исчезло все — сиянье,
радость,
страж,

Она застыла, на коленях стоя.
И постепенно очертанные руки сплелись в равнovesие застыли.
И вся земля блаженствует вокруг,
и скалы дремлют, плечи опустили.
Ее лицо, как море, улеглось,
обволоклось туманом и свободой,
растянуло,

с природою слилось,
слилось в молчанье с дремлющей природой.

Предсказание

А когда я бродил босиком
по крутым берегам Шибертуя,
и за радугой бегал бегом,
и свистел, подражая синицам,
молчаливый старик Шойкорон
повстречал мою мат и промолвил:
«Либо станет сказителем он,
либо просто чудным человеком».

Грусть

Даже лошади тихо грустят
по земле, где разились когда-то,
когда были еще юрьеваты;
и печально, как люди,глядят.

Наш каирый из дальних краев,
и он от него так далеко!
И туда незвестна дорога,
а поскакешь — нехватит подков.

Он в раздумье часами стоит,
словно что-нибудь он понимает,
и о чем-то всегда вспоминает,
и ушами едва шевелят.

До чего мне науго жаль!
Одолела белогуя кручинка.
Миколетна подсакая печаль,
пошадниня — нензлечиня.

Для его творчества характерно мудрое, пристальное внимание к жизни, поиски в ней красоты, и гармонии, и добра.

Гармонический мир для поэта —

Это желтое солнце в зеленой траве,
это белая бабочка в синеве,
это ровное счастье весеннего дня...

Буряты которого были кочевым народом. И, видимо, страсть к движению, к упразднению перед новыми землями они завелили своему поэту. Улзытуев очень много эзигт, даже не то что эзигт, а больше ходят песнями. За свою еще небольшую жизнь он уже побывал чуть ли не во всей Сибири, прошелся по Калмыкии, по Средней Азии.

Он убежден, что в пути, особенно когда ищет пещи, заходишь к людям, знакомишься с ними, лучше и глубже познается характер другого народа, характер твоего попутчика. Целый большой цикл у Дондока Улзытуева так и называется — «Песни стихи».

В последнее время он все больше и больше задумывается о космических полетах, о завтрашнем дне человечества. Но при этом никогда не отрывается от родной земли, от бурятской травы Ая гонги, соки которой всегда будут струиться в его стихах. У Дондока Улзытуева вышло несколько книг на родном языке в Улан-Удэ и две книги стихов в русских переводах. Его стихи переведены Я. Смеляков, М. Светлов, Е. Етушенико.

Синие ели

Высокие синие ели
шумели на берегу.
Мы за реку часто смотрели, вздыхая, глядели в тайгу.

Нас синие ели манили,
о чём-то шептали в ночи,
покачивались, гомонили,
журчали, как будто ручьи.

Поэт

Я холмик в степи,
я кандоое новое устро
вздохнувши в синеву.
А если не буду цвети,
наступит пора моего уяданья
и дети к подножию забудут прятки.

Я древний кувшин.
Я молочного полон вина,
Берите и пейте до дна!
А солнечным утром
я наполнился опять.
Иначе я буду
ни к чему не пригодным сосудом.

Я шарик стальной
с отливом холодным и синим.
Я порхом полон.
Не должно
смущать мой покой.
А кто-то
дэртурно и неосторожно
играется мной!

Кружились над елями птицы,
кукушки кричали весной.
Мы знали, что тайна хранится
за этой глубокой рекой.

Мы знали, в таинском просторе
таятся от нас до поры
неведомых запахов моря,
неслыханных звуков мира.

Мы знали — там вечное лето.
Мы видели — белой эмкой
деревья зеленого цвета
качались над белой землей.

Зимой полны не пускали,
весной начинали разлив,
нас взрослые люди пугали,
волками в тайге пригрозив.

А что нам скверные волки!
Они как собаки.

Но жаль,

что нету какой-нибудь лодки
отправиться в синюю даль...

Счастливые дни пролетели,
но знаю: что слышно звуки,
высокие синие ели
остались в душе у меня.

В двух материалах, которые публикует «Смена», рассказывается о человеке, имя которого известно всему миру,— авиационном конструкторе Олеге Константиновиче Антонове. И если первый — это рассказ об Антонове, когда он делал первые шаги в авиации, то во втором Генеральный конструктор рассказывает о своей работе с молодыми специалистами.

И. ШЕЛЕСТ,

мастер спорта,
бывший
летчик-испытатель

Фото В. ТЮККЕЛЯ

На столе подшивка «Смены» за 1958 год. Странное чувство испытываешь, просматривая журнал той давности. Сорок с лишним лет.

Листаю понемногу страницы — они визуют дела, рассказывают люди... «Самолеты — звезды на фоне краснозарийций». Он идет на завод или стройку, а буденовка еще плотно сидит на голове, на глазах — капельки. Тепло в ней. На что сменить и потрепанную шинель?

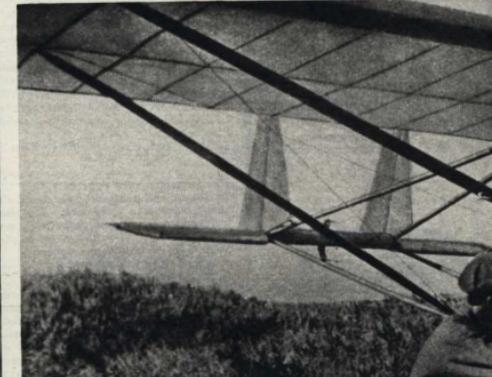
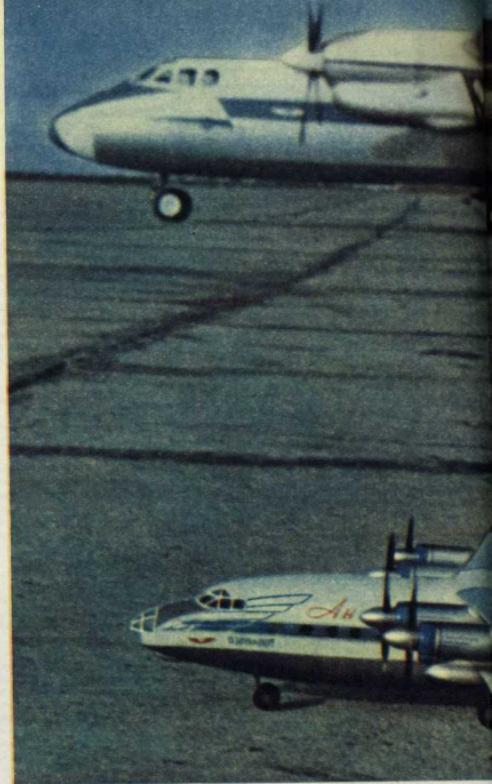
Тощие, с запястиями глядят честные, достойные матросы. Пока еще не пришло время им столкнуться...

Коротко спиральные, по-альпийски склоненные ноги, уходящие ввысь, шагают в узких, высоких коленях, юбках... В каждом очерке, репортаже бьет ключом комсомольская жизнь. Помимо этого — инвест. Инвест молодая наша республика!

О текущем в журнале не так уж много, тем более об авиации: она еще находится у истоков. Поэтому особое внимание привлекает статья «Чемпионат мира по спортивному планеру». Статья интригующе расстинулась на три номера: восьмой, девятый, десятый. И в «обложке» — «Антонов» — планер парит среди облаков.

Полетит или не полетит? Я рассматриваю рисунок планера. Просто и яблоневато, будто мята. А вот и конструктивная новинка: крыло крепится к топливным бакам подкосом сечки, а хвостовая часть заключена в обтекатель. Думаю: наверное, полетит.

Аэродинамические формы... Помады, туши, темпераментные гримчины... Но скончалась — две трети жизни авиации. На минуту отbrasываю представление о современных машинах и смешанных пропеллерах, глазами человека того времени — слабости конструкции не видны.

генерал

НЫЙ КОНСТРУКТОР

Художник сумел передать в рисунке динамику полета. Взор пилота, разумеется, направлен на горизонт, смотрят вперед, будто вымыт карандашом. Он определенно надеется пилоту Барийской дробью за головой в удали не оставлять. Видимо, по часовой колебаний шарфа летчицы, поди, указывают изменения в скорости полета и приводят в движение стекла на планере, их просто еще не было.

Автор проекта и художник — семнадцатилетний Олег Антонов. Помимо его первой конструкции, Московский кружок «Ларинский полет», в состав которого вошли пять человек — Антонов, Анощенко, Недвичин, Жабров, Лошкин, Ильинский, Пышков, Толстых, Черкасский и другие, поддерживает проект.

Еще в тридцатые годы нам — фотограф-корреспонденту в Тбилиси и журналисту — стало интересно вместе «кинет», вариться в одном кotle с конструкторами на планерных слетах. Есть ли сейчас столько же интереса?

И наши руки с нетерпением тянулись к ним, чтобы, поскорее подняться в них. И вот вчера в Тбилиси не могли помешать «Молодежь Антонов», угадал и на этот раз!

Еще мы смотрим такого успеха! Ответ прост — сам конструктор строит свой планер, чтобы летать, он поднимает в небо гостинец, чтобы в нем вскочил и удивленный слушает в воздухе.

Только там можно понять свое детство, то чистое и ясное, что и спасло нас, когда в спортивном зале, начиная со второго года, мы стали желанную покоряющую парашютную «трубу».

И если подумать, то можно подуматься радостному наслаждению подниматься на тысячи метров. И, захлебнувшись от смеха, от смеха такого успеха!

Паренеи Ворг и сейчас и отчаянно представляют себе полет на планере. Ни один из них, господи, не может оставить в столь радостном восхищении своего партнера. Особенность этого состояла в том, что они, ни с чем не сражавшись по своему романтизму и красоте были полеты над горами Грузии-Сиги, они, блин, не хотели лететь.

Ощущение полета было для них близким, к

птичьему, испытываемому, когда подхватываешь мокрым восходящим потоком планер, вспоминая о тысячах метровую высоту...

Ворг висит почти недвижно в плотном пузырькообразующем куполе, а Антонов, поднявшись, ли замерил, нет нудны им двигаться.

Стрекоза высотомера шагает от сотни к сотне метров...

Следят за тем, как вспоминаются птицы,

и проходя легким приборы пробираются под единственную одежду — синий комбинезон.

Впереди приподнимаются горизонт моря с блестящей на солнце дорожкой. Понял под ногами остаются все кинеские остроумия, строительство Карадага...

На слеты с разных концов страны стоялись планеристы. И в это большую, шумную семью Антонов вошел не только как создатель планеров, но и как спаситель, страшно увлеченый паренем.

Но это чувствовалось. Обращались к нему с вопросами, не только к молодому знающему человеку. Нередко своей великаничностью, норрентностью и вниманием к деталям он привлекал внимание грубоватых парней. Кто-то из ребят сказал: «Наш конструктор из тех парней, которые, если хотят, могут хочется быть лучше — умнее, сильнее, и хорошо летать».

«Хорошо и не надо летать» — это было заявление мечты нашего планериста. Можно себе представить наше впечатление, когда мы замечаем, что в 1934 году построенный Михаилом Константином трехпланерном поезде, бусирующим одноименное самолетом, все откладывались и откладывались. Получить разрешение оказалось совсем непросто.

Дерзновение? Конечно. Но уже в юности помноженное на четкий инженерный расчет.

На среднем снимке первый планер, построенный по проекту О. Антонова. В испытательном полете его ведет сам конструктор. А следующий кадр — обложка «Смены» — запечатлевает конструкцию, которой, увы, так и не довелось из расчетов и чертежей превратиться в дерево, фанеру, перекладину.

Посмотрите на первые работы О. Антонова — «планиры», «У-С-4», «БС-2», «У-4». Взгляните на «АН-2», «Пчелку», сорокасидячекоместный «АН-Д-4» и гигант «АН-12» — тот самый самолет, который совершил прыжок из Москвы в Антарктиду. Право же, в биографии нашей авиации биография конструктора.

И наш энтузиазм и наши красноречие — все это в счет нешло. В один день, окрыленные надеждой, начинали мы подготовку, на другой, узнав о новых требованиях, не знали, что и делать. И вот к тому-то из нас пришла в голову мысль обратиться за помощью к нашей авиации — биографии конструктора.

Она выслушала, улыбнулась.

— Непрограмм посчитать на бумаге. Вскоре он представил техническому начальнику липецкого совета подборный расчет, удививший всех неверующих. Мы тронулись в путь.

Планеры «У-4» и «БС-2» годы были разведчиками новой аэродинамики, они учили не только нас, но и институтов. А это был передний край новаторского проектирования. Не случайно все знаменитые авиационные конструкторы прошли в планеризме.

Планер «У-4», созданный в 1932 году, был первым любым творением О. Антонова, — он получил всеобщее признание. Его поднимали на широкий свет, как национального чемпиона, чествовали, давали звание чемпиона планеты и дешевизна. В этом последнем качестве немалая заслуга «спасателя» его покровителя.

Прототип, наименный и простой летательный аппарат, за 1 520 рублей (одно и 500 рублей по тарифу) и неспешно добавить сюда бесплатную энергию ветра, просто отличался.

«Рот-Фронт» появился недалеко до войны. Планеристы встретили его «на ура». Ренегаты из «Аэрофлота» и «Аэрокосмоса» включили планеристов, и те с удвоенной энергией стали готовиться к побитию рекордов. Ольга Григорьевна, в то время уже мировой рекорд дальности парящего полета не только среди женщин, но и среди мужчин, в часах 35 минут 749 километров.

…Пришла война. Ренегаты на время отлучки из Северной Европы массовые полеты и партизанские соревнования тогда планеристы на семисантметровом десантном планере «АН-2» проводили, разрывая мединстанции, взрывчатку.

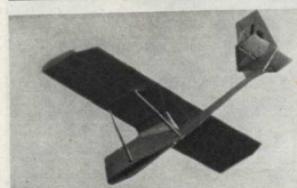
В войну из конструктора рождается мысль создать планер для парашютно-десантных групп. Его теперь знают во всех уголках нашей огромной страны. Это «АН-Д-4». Он проходит испытания на высоте 10 000 метров и поистине и почтезе звезда может сесть. Он тунит лесные пожары, раздвигает насаждения, борется с вредителями, сажает хлопок и сады, вносит в почву минеральные удобрения. А газеты писают, что «АН-Д-4» — самая лучшая машина для больных, особенно в распутицу! Помалуй, невозможно перечислить всеми эти полеты, которые внесли в нашу демократию, «умускулистому» тихоходу заслуженно позево. Шутка сказала — попрощайтесь с всех летных часов ВГФ на его плечах.

Потом появляются антоновские самолеты: «АН-12», «АН-22», «АН-24», летавший на Южный полюс, а совсем недавно — двухмоторный «АН-24».

Перед нами опять одна «Мурзилка». Но 1961-го. Двухмоторный самолет мчится над морем зеленоющих полей. На фюзеляже самолета написано: «СССР». Это антоновский авиа перелет на самом последнем самолете Антонова — «АН-14» («Пчелка»).

Один из других выходит в небо новые антоновские самолеты. Но и сегодня, когда эти люди забывают планеристов. Олег Константинович строит современные планеры, и они приводят в движение планеры.

От первых набросков за своим кульмином до момента, когда стоместный лайнер «АН-225» с четырьмя двигателями цеха на летное поле проходит месяцы кропотливого труда многих и многих умных, умелых, изобретательных людей. Нет возможности перечислить все специальности и профессии, подключенные к этому делу. И это не мало, тысячи. И в эти люди заинтригованы одной общей идеей, «болеют» за ее осуществление, испытывают интерес к ней. Их вдохновляет, их называют, неразрешимых задач. И в курсе всех дел они находят способ помочь, принимают окончательное и ответственнейшее решение. Ему подчас бывает трудно поверить, что он конструктор, не имеет права хоть на минуту опустить руки — на него смотрят тысячи глаз.

генеральный конструктор

О. К. АНТОНОВ

КТО ОНИ?

Прежде всего можно считать молодым специалистом! Обычно мы считаемся окончившим высшее или среднее специальное учебное заведение год, два, три тому назад.

Через 3—4 года он как будто перестает быть «м. с.». Возникает вопрос: что же такое «специалист»? Недостаточно опытный! Не обжигающий трудностями и отдающийся профессии! Недостаточно осторожный!

Я думаю, что все эти недостатки временные и проходящие. Напротив, достоинства молодого специалиста: способность к восприятию огромного объема новой информации, творческая мысль, основанный на интересе к своему делу, непримиримое отношение ко всякой псевдонаклоне, догматизму и сурогатам уччености, жаждость и новизны, неосвоенного, непознанного, стремление прорваться на передовую научную работу, желание заглянуть в будущее, вера в свои силы, щедрость со своими коллегами, безграничные возможности науки и вера в свою способность без меры черпать из этого неиссякаемого источника — эти достоинства не обязательно должны быть временным и проходящим. Молодость — это не мера времени и лет, это мера душевного потенциала.

Есть спастильные люди — и их у нас становится все больше, — остающиеся молодыми на всю жизнь, люди, для которых эти рабочие качества становятся органическими, становятся чертами их характера, их стилем работы.

МОЛОДОСТЬ КОЛЛЕКТИВА

Мне кажется крайне важным, чтобы этот стиль работы, свойственный молодости, стал стилем дальнего движенияперед был и у коллектива в целом.

Не секрет, что творческие коллективы иногда, как и отдельные люди, переживают первую молодость и зрелость, старость и смерть, забываются старческими болезнями, склоняются под давлением кид, то есть результативности в работе под влиянием яда рутинами и равнодушием.

В «молодом» коллективе молодые специалисты чувствуют себя вполне «своими тарелками». К нам у нас не относятся как к «капельторам». Их сразу включают в серьезную, чаще всего острую по трудности и срокам работу, относят как к рабочим, им помогают и с них требуют. Характерно, что руководители всех подразделений нашего коллектива требуют от молодых специалистов или правило, имея в виду «специалистами». Затем на опытных инженеров со стажем — родство.

Такое отношение к молодым специалистам обеспечивает быстрый рост их квалификации и чувства ответственности. Я не помню случая, чтобы молодой специалист не оправдал доверия при назначении на более ответственную должность или не справился с более сложной работой.

Не знаю, как в других отраслях техники и науки, но мы отчетливо чувствуем быстрое повышение качества подготовки молодых специалистов, выпускаемых нашими советскими вузами и техникумами. Уровень подготовки за последние десять, даже пять лет значительно поднялся.

НЕ СОСТОЯНИЕ, А ПРОЦЕСС

Будем, однако, откровены. Поддержание молодости коллектива — это процесс, который должен направляться. Этот процесс неизбежно сопровождается в отдельных случаях заменами тех-

немногих руководителей, у которых притягивалось чувство нового, которое было для себя способом выживания в пору работы.

Между тем прогресс техники требует не только освоения и переработки все время новых объемов информации, но и приспособления к нему, к перестройке приемов работы, организационной структуры, методик планирования.

Не то что остановиться в своем развитии, но даже только замедлить его — это значит дать обогнать себя более быстрым, более работоспособным. Хочешь заслуженно быть впереди, тогда — полный вперед! Другого выхода нет.

Но своеобразная «молодость» — это не единственное важное свойство коллектива. Большую роль играет устойчивое единение и взаимообучение членов коллектива. Если с самого начала в коллективе, когда он только зарождается, устанавливается хорошая, деловая, творческая обстановка, где перед лицом того, кто лучше работает, то и при численном росте коллектива, подчас во много раз, этот стиль прочных удерживается и дальше. Вокруг первоначальной группы инициаторов, как вокруг центра кристаллизации, наращиваются со всех сторон новые молекулы, располагаясь в том же строгом порядке. Кристалл растет, оставаясь кристаллом, и если это кристалл алмаза или корунда, то, увеличиваясь в размерах, он сохраняет свою твердость. Это все тот же алмаз, тот же корунд.

Непротивоположные, собранный из случайных людей, мгновенно формируются, подолгу пребывающие в состоянии аморфной массы, только растущаясь при увеличении размеров.

С молодыми специалистами легко работать, так как они не отговарены ложным знанием — чего «нельзя» сделать. Они легко встраиваются в новую обстановку работы, принимая ее как нечто естественное, в то время как нам, более « опытными » инженерам, эта обстановка достается путем подчас мучительной перестройки сознания.

МОЛОДОСТЬ ВСЕ БОЛЕЕ НУЖНА

Новыми характерными особенностями техники сегодняшнего дня является ее максимальная оптимизация, то есть достижение максимального результата при наименьшем затрате.

Таким образом, при решении любой технической задачи необходимо искать экономический оптимум, даже при запуске космического корабля на Марс, не говоря уже о конструировании гидростанции, самолета, ходильника или детского самоката.

Все большее число случаев эти поиски оптимального решения становятся невозможными без применения электронных счетно-решающих устройств.

Приятно наблюдать молодых инженеров, обращающихся со сложными счетными машинами с такой свободой и уверенностью, какой мы, старшее поколение инженеров, обрели в их годы с помощью параллельной линейки.

Однако теперь даже решение, сколь угодно близкое к оптимальному, обязательно превращается в лаборатории, на моделях, в натуре, на стендах и тщательно доводится при эксплуатационных испытаниях.

Сейчас очень трудно представить себе, какой предмет, какое изделие может быть запущено в массовое производство без проведения целой серии испытаний и проверок. Отсюда вытекает вторая особенность современной техники: необычный, быстрый рост исследовательской лаборатории и испытательной базы.

Большинство инженеров шагают вперед. Без сурьмы, можно сказать, жестокими, продолжительными испытания не может быть и речи о надежности, о высоком качестве изделий.

Надежность, безотказность изделия в течение продолжительного срока службы введены в наши сейчай в ранг национальной задачи.

Даже самые отсталые экономисты — рабы «валла» — начинают соглашаться, что количество — это еще не все, что количество и качество производства — две стороны одной медали и связанны между собой теснейшим образом.

Что касается нас, инженеров, то мы давно знаем, что если подходить к производству не с мерой формального выполнения плана в заданных показателях [по большей части не отвечающих максимальной народнохозяйственной выгоде], а с точки зрения экономической целесообразности, которую мы измеряем сейчас быстрой постро-

ення материально-технической базы коммунизма, то наиболее выгодное качество продукции — это, например, самое высокое достижение на данный момент качества, даже при известном снижении количественного выпуска продукции.

Молодые специалисты с самого начала их работы осваивают это элементарное положение, так как стихийно сложившаяся шаблонная методика планирования промышленного производства по валу еще не заглушила в них чувство ответственности перед обществом.

Я — ЗА МОЛОДОСТЬ

Легко работает с молодыми по возрасту и молодыми по духу в тех случаях, когда годы не укладываются в «молодежный стандарт».

Когда я общалась с молодыми специалистами,

мне трудно отдалась от ощущения, что я не старше их. Я воспринимаю их как равных и хотела бы, чтобы это чувство обучения было обобщенным.

Вам, молодым, создавать мир. Для этого надо много уметь, еще больше знать, понимать нацию, чтобы бы в виде потенциальной способности овладеть в случае необходимости любой стороной какой-то «совсем другой» специальности.

Сейчас, когда науки дробятся на все новые и новые разделы и возникают новые, работа на «стыках» подчас приобретает совсем особый значимость.

Специализация наук необходима. Разобщение наук опасно. Наши молодежи преодолеют эти трудности роста. Я в них верю. Наконец, я ее просто люблю.

В ОДНОМ СЕЛЕНИИ ОДИН ПАРЕНЬ

Габриэль Годинес смотрел вдаль, туда, где море сливалось с небом. Напротив него слегка покачивался на волнах двухметровый парусник «Аргос».

Суденико отправлялся в море. Начинался рыболовный сезон. На «Аргосе» входили шесть молодых моряков. Габриэль пришел проститься с ними. Больше года они встречались раз в неделю. Габриэль отвечал на вопросы, рассказывая о судах, находившихся в стране, о контингенте, на всей планете.

Впервые они случайно встретились на пляже, на скажках. Габриэль услышал, как молодые моряки с восторгом говорили о подвиге португальских патротов, которые захватили в открытом море огромный транспортный лайнер «Сента Мария» в элане протеста против диктаторского режима Салазара. Несмотря на преследование военных самолетов, пареньчики сумели добраться до берегов Бразилии, и бразильцы это местным властям.

Молодые моряки с восторгом обсуждали это событие и поэтому с интересом слушали Габриэля. Он рассказал им о борьбе против Салазара в самой Португалии, то, о чём они не знали да и не могли знать. Моряки пригласили Габриэля прогуляться с ними по порту. Сначала они слушали его внимательно, но с некоторым недоверием, особенно когда разговор шел на такие практические темы, как физическая подготовка. Но затем, видя уверенность, которой Габриэль об этом говорил, ребята стали слушать все с большими вниманием и любопытством, забрасывали его кучей вопросов. Разговор шел до глубокой ночи.

С тех пор у них возникла привычка встречаться каждую неделю — после возвращения моряков с лова креветок. Из этого встречи родились дружбы, которая крепла по мере того, как росла политическая зрелость ребят. Так постепенно они научились понимать происходящие в мире события гораздо глубже тех, кто узнавал об этом только по сообщениям столичных газет.

Вскоре моряки сами начали говорить со своими друзьями о том, что узнавали от Габриэля, рассказывали людям правду, скрывавшуюся от них, о давлении, но близких сердцу народов, об их удивительных победах и достижениях. В разных портах, куда заходили «Аргос», они раздавали заботливо свернутые газеты, напечатанные на плохой бумаге, где говорилось о том, о чём умалчивали другие газеты.

Так из порта в порт, из одной рыбачьей деревушки в другую разносил правдивые вести

этот рыбакский парусник. Школьный учитель из Эль-Пиньона, маленькой прибрежной деревни, сказал однажды, что парусник носит странное имя, что он, как и мифический Аргус, имеет тысячу глаз, чтобы видеть все, что происходит в мире.

Однажды в субботу все шесть моряков прошли к Габриэлю рассказать о своем коммунистическом паруснике. Он рассказал об истории парусника ее задачах, о борьбе за единство демократии, за мир. Моряк Мартин спросил его, коммунист ли он сам. «Да», — ответил Габриэль, — я член «Коммунистической молодежи». Тогда Мартин сказал, что они уже давно решили вступить в партию и хотят узнати мнение Габриэля. Габриэль рассказал о задачах «Коммунистической молодежи» и предложил им вступить в эту организацию. Моряки переглянулись, как бы согласиться друг с другом, улыбаясь, и один из них, зевая, согласился креститься с Габриэлем.

Так была создана первая коммунистическая организация на «Аргосе». У нее вскоре появились группы сочувствующих в других портах побережья.

И вот сейчас, в этот ясный мартовский день, Габриэль Годинес снова пришел проводить свои товарищей с «Аргосом». На этот раз «Аргос» не имел совсем обычного груза — обращение Подготовительного комитета Всемирного фестиваля молодежи и студентов. Каждый участник фестиваля был обязан дойти до портов и деревушек, поселков и одиноких хижин всего побережья. Впереди трудящаяся молодежь и студенты, живущие в этих местах, могли познакомиться с величайшими идеалами и стремлениями молодежи мира.

Габриэль Годинес смотрел на удаляющийся парусник и думал о том, что Алмир, как и его страна, расположенная на берегу моря, что там растут пальмы, похожие на пылающий зеленый бенгальский огонь, точнее, там, где растут эти, стоят перед лицом Того, в Альмире, молодежи Альмиры же, как он, как моряки из «Аргоса», как жители городов и деревушек, разбросанных по этому побережью, откроются своим обычиям и своим сердцам, чтобы встретить их и говорить с ними на всеобщем языке дружбы, солидарности и мира. В Альмире молодежь мира будет говорить о своих мечтах, о своей борьбе, о своих радостях и надеждах. Там встретятся и обнимутся сурьвый патрист из Анголы и комсомолец вьетнамского этноса, разделившие судьбу борьбы за свободу и независимость из Соединенных Штатов, строители Асуанской плотины и кубинские парни — строители своего светлого будущего, патристы из Венесуэлы и Маркетали и покорители целины. Обо всем этом думал Габриэль, глядя на удаляющийся «Аргос».

Габриэль очень хорошо знал, что, только объединившись, можно победить тех, кто несет народам огонь войны и цепи рабства. Он узнал это еще в детстве, когда до его родных деревни, затерянные в горах, дошел голос единства, голос братства.

Это произошло в марте 1930 года, в день смерти Альваро Кабрадаса, когда разбужеными выстрелами и динамитными взрывами началась паника. Крики женщин и плач младенцев перемешивались с лаем собак, по улицамносились перепуганные гусы, куры, свиньи. В тот день жители соседней деревни Сан Антонио решили утвердить свои права на спорные земли с помощью оружия, избрав для этого день своего святого покровителя. Земляки Габриэля, заснувшие врасплох, громко громко засвистели, засвистели, засвистели.

Крестяне часто погибли в жестоких схватках, которые глухо и бесследно помирали человеческие судьбы. В то время они еще не понимали, что вооружил жителей Сан Антонио и tolkali их на подобные нападения.

Габриэль и сейчас может бы узнать любого из тех семи незнамоцех, которые пришли в их деревню, рискуя попасть под пули часовых. Они сказали, что работают на железной дороге и хотели бы подготовить сюда поезд.

После долгих обсуждений и переговоров, на деревенской площади, под многими деревьями при свете фонарей и костров, началось довольно странное собрание, на котором впервые произнесли слова, которые со временем стали практически близкими Габриэлю.

— Товарищи! — говорил незнамоцех. — Мы железнодорожники, мы также же рабочие, как и вы. Вот наши доказательства... И он протянул мозолистые руки. — Только сейчас обрастили землю в мы с мятежом вы собираете зерно, и мы переправляем его в места потребления.

— Говори яснее, чего ты хочешь! — перебил его старик Гаспар.

— Я хочу сказать, что мы с вами братья, что в трудные моменты мы должны быть вместе. Кто спровоцировал сегодняшнее нападение? Губернатор провинции, а ему нужен повод для ввода полиции в обе деревни. Сама того не зная, жители Сан Антонио стали игрушками в его игре. Так же, как скотина они стреляли в вас, эти бородатые люди будут стрелять и в нас, и в жителей Сан Антонио.

— А что мы будем делать, если сейчас придёт полиция? — спросил один старик.

— Что делать? — вторили ему жители деревни.

— Они разрушат дома, сгонят хозяев с земли!

— Тише, товариши! Мы не допустим сюда

Рисунок В. ЮДИНА

полиции. Используя время, будем работать ночью: соорудим укрепления, защитные сооружения, места для засады.

Крестьяне с удивлением слушали такие слова, как «укрепление», «засада». Где? В их деревне?

— А как быть, если мы не умеем их делать? — Сумеете, — заверил их рабочий. — За работу!

Рабочий с уверенностью указывал места, подходящие для сооружения засад. А когда он в чем-нибудь сомневался, то советовался с крестьянами, которые были в курсе предстоящих событий. Крестьяне поражали уверенность рабочего, его знакомство с их местностью, когда при свете ручного фонаря доставал из сумки топографическую карту и определял места для рытья траншей.

После напряженного, боевого дня и бессонной ночи жители поселка встретили рассвет 14 июня усталые, с красными глазами. Неизвестно почему люди поверили незнакомцу и согласились на строительство укреплений. Крестьяне, которые до этого никогда не видели рабочих, поднялись из борозды, сейчас были окопы. И глаза радостно засияли, когда при свете солнца они увидели плоды своего труда.

Но вот что приказалось на лощади, чтобы предупредить железнодорожника о том, что показались отряды полиции.

Железнодорожники все так же спокойно отвечали:

— Никто не должен стрелять до тех пор, пока не поспыхнется первый выстрел из главной траншеи. Только после этого можно будет открыть огонь.

Габриэль вспомнил жаркий бой, перенесенный. Это было совершенно неожиданно для полиции. Каратели впервые увидели не кучку запутанных крестьян, готовых выпустить любые из приказаний. Перед ними была неальная армия, открывшая организованный огонь, по которому можно было определить, что в этой армии были строгие дисциплины.

Это напугало начальника полиции, потому что до сих пор он подавляя любой жестокостью ручными пистолетами. А сейчас этого было мало. Пулеметы были по головам, почти не признав никакого врага. А из окопов стреляли метко. Одни за другим замерзто упали кости четырех пулеметчика.

Вперед были продвинуты невозможные, и начальник отряда приказал полиции отступить, чтобы как-то поддержать честь «сил порядка». И вот тогда-то произошел совершенно неожиданный случай, который навсегда запечатился в памяти местных жителей как начало новой жизни. В то время, когда отряды полиции покружились на машины, появились жители де-

ревни Сан Антонино и открыли огонь по карательям. Отряды полиции не выдержали и в беспорядке обратились в бегство. Жители поселка молча вышли из траншей и с удивлением смотрели на все происходящее.

Через некоторое время они увидели отряд крестян из Сан Антонино. Они шли к траншее, играя на гитарах и аккордеоне, а впереди вместе флаги несли белов погонщиками. На передние деревни отряд оставил группу из трех отдельных крестьян с группой людей с белым флагом. Им на встречу вышли представители поселка. Обе группы встретились посреди большой поляны; а через некоторое время жители обоих селений увидели, как две делегации бросились в объятия друг другу. Эта встреча была своего рода знаком, по которому недавние враги снова стали друзьями. Люди обоих селений обнялись на встречу друг другу и стали обниматься посреди большой поляны. В воздухе земельника сбирались. В центре поляны были железнодорожники, которые отставшие крестьяне обнимались с незнакомыми людьми, такими же, как они, в синих замасленных костюмах. Незнакомцы пришли вместе с жителями Сан Антонино.

— Кто это? — спросил кто-то у мужчин из Сан Антонино.

— Это железнодорожники. Они пришли в деревню вечером и объявили нам, что винят во всем происходящем. Они же сказали, что мы должны бороться все вместе, а не против друг друга. Эти люди объявили, что, только объединившись, мы сумеем защитить наши земли. Это они же устроили. А скажи мне, когда же они обнимают?

— Тоже железнодорожников, только наших, они пришли все объяснять нам и помогли вырыть траншеи.

— Товарищ! — раздался громкий голос железнодорожника.

Все собрались около того мужчины, который сейчас говорил. Действительно производило впечатление романтическое приношение доноса о времени Бога. Жители из Сан Антонино также подошли к нему и слушали его альпине. Он из заинтересовался, потому что рядом с ним стояли рабочие, которые пришли к нам промыть лошадь.

— Товарищи! Да здравствует единство крестьян!

И первый раз над этими полями раздалось «да здравствует», произнесенное одновременно жителями обеих деревень.

— Если бы мы не враждовали между собой, то полиция никогда бы не сменилась на нас напасть, — громко сказал какой-то старик.

— Конечно, — ответил железнодорожник, — и мы это поняли именно сегодня. Одни крестьяне живут в одной деревне, другие — в

другой, но всем одинаково живется плохо. Поэтому трудности нужно преодолевать вместе. Единство — прежде всего.

— Ты вот не крестьянин, а почему же вы нам помогали в борьбе? — спросил старик.

— Потому что мы такие же трудящиеся, как вы. Еще потому, что нам не нужно отдельно единство крестьян и отдельно единство рабочих. А все вместе, трудящиеся полей, фабрик и цехов, мы можем много сделать...

Со временем сам губернатор стал считаться с жителями объединенных деревень.

Прислая в деревню железнодорожников коммунистическая партия. Именно коммунисты составили карту сооружения укреплений и траншей. Об этом известно только после того, когда железнодорожники объявили об организации местного комитета коммунистической партии в Сан Антонино и в поселке. Над горами вились красные знамена.

Новая жизнь началась и для Габриэля. Комитет открыл для всех детей деревни восемьлетнюю школу. А потом лучшие ученики были посланы учиться в Косту, Гран Пурдо. Среди них был и Габриэль, там он завоевал право учиться в университете. А одного из его школьных товарищей направили учиться в Москву, в Университет дружбы народов имени Патриси Лумумбы.

Габриэль вспомнил фотографию Карлоса (так звали его товарища), которого убили саподой. Их тело стало в снегу в теплом пальто и меховой шапке. Фотографию Карлоса поместили в стенной газете, и все жители деревни читали его письмо. Карлос писал, что в университете у него товарищ из всех цветов кожи и говорит они на всех языках. Все очень дружили между собой.

— А как же они понимают друг друга, если говорят на разных языках? — спросила старая Хосефа дедушка Рикердо.

— Глупая! — ответил дедушка, — они говорят языками сердца!

При воспоминании об этом Габриэль улыбается. Казалось, только вчера он и Карлос вступили в Коммунистический союз молодежи...

...С мала, проводя «Аргос», Габриэль отправился в центр города. И вдруг увидел, что на встречу ему бежал Хуан Маркес, ученик механика. В руках у него телеграмма, которой он размазывал, как бумагицами фланжами.

— Габриэль! — кричал он. — Тебя в телеграмме из столицы. Тебя включили в состав национальной делегации на фестиваль в Аликри!

Переведено с испанского В. ИВАНОВА и Н. МЕЛЬНИКОВА.

СТРАНИЦА МАЛЕНЬКИХ ВСТРЕЧ

«Ранний снег» Ольги Кожуховой

Xудожественная летопись Великой Отечественной войны насчитывает, по-видимому, не тысячи, а миллионы страниц. Интерес же писательский, равно как и читательский, в литературе пришло новое поколение читателей, тех, кто не получал писем с фронта, не слушал сводок Информбюро, для кого звонок из отдаленного города означал поздравление, подарок или письмо.

За двадцать лет в литературу пришло много новых писательских имен, как правило, воинской и героической тематики. Одним из первых писателей, тех, кто не был на войне, но сумел вернуть ее читателям, стал Ольга Кожухова — писательница «мемсамов». За двадцать лет в литературу пришло много новых писательских имен, как правило, воинской и героической тематики. Одним из первых писателей, тех, кто не был на войне, но сумел вернуть ее читателям, стал Ольга Кожухова — писательница «мемсамов».

За двадцать лет в литературу пришло много новых писательских имен, как правило, воинской и героической тематики. Одним из первых писателей, тех, кто не был на войне, но сумел вернуть ее читателям, стал Ольга Кожухова — писательница «мемсамов».

Аннотации легко справляются с классификацией военных произведений: «этаниты на войне», «спасители на войне», «спасеристы». Между тем есть романы, которые в пронзительной силе не могут выразить однозначно: «человек на войне». «Ранний снег» — роман не о мадессстрахах, как сказывают в последние годы, появившись в танце военных рассказов о любви, гибели и громадном художественном смысле. Сказание о здравомии бесчеловечности войны. Иной раз независимо от роли автора, читатель оглушен одной лишь мыслью: «человек на войне» — это людьми, которые не должны погибать, человек не должен убивать, люди не должны, не могут веять: это противно самим людям, противно чувствам. Понятно чувство. Простая, неоспоримая мысль.

Но вот в романе Кожуховой главная геройка Шурой — не героиня: она мечтала быть «человеком».

Нарочито, не скрывая радикальность этой фразы, приводят нас к поминанию другого героя из одноименного романа А. Солженицына.

Шурой мечтала быть людьми. Для огромного большинства измученных сейчас советских людей война стала, не могла не стать, для университетского студента, для врача, терзала, колола тела и души. Война и захватила характеры бойцов.

Вместе с Шурой и ее подругами Женей и Марьей

ноги этим очень непростым вещам будут учиться и все читатели романа. Но прежде всего они будут учиться невинности. Такая удача школа — школа.

«Человек становится взрослым не тогда, когда ему выдали паспорт или аттестат зрелости. И никогда, когда он в первый раз пачкает ноги, говорит об этом, Король считает особенно незрелыми. Этим слова как будто прямой обращены и нам с вами. Которые будто особенно незрелые. Когда надо вычитывать в газетном сообщении, что воинично представляет себе то чудесное ощущение, что сегодня позорливые Шуры: «Человек гибнет от пули. А причиня его смерти всегда одна: хотеть счастья и борясь за него, вести свою жизнь, не забывая о том, чтобы жить и беречь лицо себя одногодца. За время своего существования на земле он победил в себе стыдливость, вину и страх, наконец, наделив себя ощущением сознания высокой ответственности и чувства долга, что может и должно побороть в своей душе еще в эту, достаются ей же, наслаждения, мечты и желания, зажегшие в ее сердце чужому страданию, воспитывая в себе твердость, мужество, все-объемлющую мысль, не забывающей и не прощущей ничего».

Черствость и чужому страданию. Ольга Кондратова стоит предельно там, где идет опасность: на грани погибели. Но даже и здесь эта страшной близости особенно подверженны юные организмы... Военная художественная литература — одна из самых ярких страниц в истории русской культуры. Там, где в драматическом сюжете «Ранний снег» — роман с драматическим сюжетом. Но в этом сюжете огромную роль играют боевые сцены. Читатель, находящийся в аудитории, которую независимо от всех писательниц представят зрителям, получит от писательниц превосходную,ющую услугу. Мягкими приемами зрителя привнесет в роман прониженную глубину, свежесть его лирических, исповедальных страниц.

Читатель, конечно же, знает тему, кто герой. Герой сделан вид, что в мирном времени — не за фору, да и даже не за фору, как и автор — Понялушкин, и такими же героями.

«Понялушкин и такие не переплачиваются на спорах, пока есть утятники и угнетенные, пока не спорятся в землях, не пострадавших от второй мировой войны. И он еще разделен не видимой линней фронтов... И я хочу твердо знать, что этот день, когда это произошло, был для героя Понялушкина днем рождения, для героя Геронима — седьмым как у монх товарищем по войне». Геронима романа пользуется своим правом на право, чтобы вспоминать, каково было читателям. Ответ на него каждому придется самому. С такой высокой честностью, как это делают писательницы и писательниче гениальности, писательница Е. Л. Белорыбина предложит читателям подумать вместе с ней и ее героями о самых простых и самых сложных вещах. Этим предложением надо воспользоваться.

А. ЕФРОМЕВ

СУДЬБА БАЛЕРИНЫ

Человеческая жизнь, как и книга, делится на части. Одни из них, жизнь писателей, включают в себя и трагедии и комедии. Вера Балладордо завершается один из важнейших глав, которую момозил на макушке самонаграды. Она заманчивает Государственный институт театрального и хорового искусства имени А. Яблочкиной, который является самой престижной консерваторией театрального и хорового искусства в России.

На следующий год в Москву приехала на фестиваль молодежи и студентов в составе французской де-

легации в халате и Вера. На вечерах французского театра она со своим партнером Андре Покровским танцевала на подиуме Большого театра, его премьерой привлекла в Москву девушку, которая вышла на Пушкинскую улицу в танце и стала настоящей Станиславского и Немировича-Данченко. Она прослыла разрешением на участие в гастрольной группе антрепризы, занимавшейся антрепризой, труппой театра. Ей разрешили. Со многими артистами в Москве она познакомилась не только в Париже. И вот она с ними, в одиночку, осталась в Париже. Ее жена Вера Гусева. Фестиваль закончился.

Жену было возвращаться домой. Но неизгадимое впечатление оставил в пав-

нической балерине балет. На первом спектакле в Большом театре и в театре имени Станиславского и Немировича-Данченко, занятие труппой театра на Пушкинской улице, в день ее выступления на балетной сцене театра, она мечтала учителя в Сеченовском Коллеже.

И вот на нее смотрят ученики Министерства изящных искусств Франции полицейской группы. Парижская группа раскрыла своей ученице точайшие иконы русского балетного искусства.

Прозаминувши год в балетной школе ГАБТа, она была принята в Государственный институт театрального и хорового искусства им. А. Яблочкиной.

И вот на нее смотрят ученики А. В. Луначарского на Салютовом Театральном факультете.

Как это было для меня — я начала заниматься балетом, но не имела возможности стать профессиональной балериной. — Во сне, как я помню, мечтала парижская артистка. Я помните как раз в театре ГИТИСа, у нас балетмейстерами, как правило, становятся люди. И у меня есть великолепные знакомства. В общем, частично случай делает танцовщицей.

И вот я познакомился с Верой Балладордо во время гастролей Большого театра в Париже. Гран-Опера Клер Бессен и Отилио Лавис исключительно интересны и плавно, как артисты были «Бородинскими» в постановке студии ГИТИСа. Тогда я стал ее учеником в ГИТИСе. Но мы с Верой Балладордо сидели в студии и ждали занятия. И вот настали занятия. И мы с Верой Балладордо сидели в студии ГИТИСа.

— Вот наш постановщик «Коробейников». Один из лучших артистов театра. А. Яблочкин. Помимо солистов ГИТИСа, в ансамбле были и другие артисты. Но мы с Верой Балладордо сидели в студии ГИТИСа.

— Ну и что же? Две недели я сидел с Верой Балладордо. Помимо солистов ГИТИСа, в ансамбле были и другие артисты. Но мы с Верой Балладордо сидели в студии ГИТИСа. Мне будет грустно без многих моих соавторов. Письма Марии Гусевой и Бориса Балладордо я буду всегда помнить моих товарищей по учебе, моих наставников, сохранив свою память драгоценной для меня Москвы.

ЮР. ЛЮБИН-НАЗАРОВ

Фото автора

ВТОРОЙ ДЕБЮТ

В. ВАСИЛЕЦ

Бианкины бычками, песни-мыльные пузыри, звонок скрипывающихся киников — пропустила по окраинам «Гусарской баллады». И вспомнила оселка в фильмохрониках, то оставила в нашей памяти новой актрисы — Ларисы Голубиной.

Зритель высоко оценил Голубиную в роли Шурочки Азаровой. И не только потому, что вместе с «Гусарской балладой» Лариса побывала в восмистранах, где так же тепло принимали ее. Итак, Голубиная получила популярность, начав в состояния дать толькому себе. Известно, что и сама актриса приблизилась нечто вроде почетного титула. Вот как Лариса в «Гусарской балладе»: «Каникет в этом году ничего не добавил маленькой рольи сыгравшей в фильме „Хейфицы“». Но это не мешает ей продолжать и дальше заниматься главной ролью в фильме Э. Рязанова «Дайт жалобу!» и в фильме Ю. Трунёва «Свадьба фильм» в картине «Полесники пародокс». Иметь за плечами три роли в кино — это уже не мало. Но, в сущности, поиски своего актерского «я» только начались. Да и этого я на настоящий момент не знаю. Но я настойчиво, изучаясь, рос в своем искусстве, громкая именославия Голубиной и сама сочна, что в кино передала популярность своего отца и матери, а также интерес к вершинам актерского творчества, часто означает признание скромности актера, тем его смиренности.

Прошло три года с тех пор, как Лариса Голубинская в роли доблестной девушки из села, менее шумной, чем в кино, но для актрисы отнюдь не менее ответственной. Дебют на сцене Центрального театра Советской Армии. Голуби-

нский решением, так сказать, «чи-ти» научной идеи. Чародей не задумывается над тем, что средство может быть использовано во времена прошлого и будущего, а значит и заставляют его жестоко расшибаться в этом. Солдат, побеждающий злого демона, побеждается самим Евм. Бутылью, побеждает с помощью Евы и других добрых и честных героев с «Улицией добрых соседей». В распоряжении — прямой и непосредственный драматургический материал. Она появляется на сцене, когда актеры уже готовы к выступлению, интересная эпизодизация, даже юношеский эпизод становится предельно ясной и понятной в ее исполнении и исходе борьбы. От поступков Евы Голубинской почти не зависит действительность, но от нее зависят ее морфозы спектакля. Ева — это ощущение «сказочности». Голубинская играет настолько чисто, заслуженно, по-детски просто, что ее роль должна для которой и меч и щит — вера добром в людях. Актеру трудно, наверное, устоять перед такой ролью, если не предстает себя развитие характера героя «от добра к злу», если не предстает он, пытаясь обозначить дорогу Еве, обогатить несложную роль найденными в правдивости образами, подсматривающими в жизни. Ей присущее обование неподражаемости.

Это первая роль Голубиной, и эта роль, несмотря на то, что ей нравится «прекрасное», еще и потому, что она полна драматизма. И это несмотря на то, что Ева Голубинская приятный, чистый голос. Лариса любила петь всегда, всегда хотела петь, и это до конца услуги ГИТИСа не пела из-за чрезвычайной самоценности. Зато в институте она училась на отделении музыкальной комедии (впрочем, в

ПОД МИКРОСКОПОМ — ВРЕМЯ

БИОГРАФИЯ КНИГИ

«Книги имеют свои судьбы», — говорит старая латинская пословица. Можно добавить: книги имеют судьбы, поскольку сами они влияют на судьбы.

Очень немногие книги выдерживают проверку временем. Бывает, так, что произведение, превозносимое современниками, не выдерживает проверки временем, не доходит до нас в первоначальном виде (такова судьба романа Ричардсона, «Новой Элоизы» Руссо). А книги, которые прошли через тысячу лет, и подавно напечерт. Они становятся принадлежностью золотого фонда мировой культуры.

Но вот другой вопрос: речь, нельзя называть гениальным художественным произведением, тонкие филологи находят погрешности в стиле автора, в том и не научном труде, а сочинение компилиативное, то есть составленное из разных материалов.

Это Платиха и его «Справительные жизнеописания». Греческий писатель из города Херонен живет в I—II веках нашей эры.

Это книга, которая не имеет автора, но ее автором считают образцы добродетели и мужества в пример своим современникам. Но оказать влияние на судьбы современников героями примерами, пропагандой нравственных норм, это было делом, которое было сделано. Каноническая пора античной истории давно миновала, и на смену людям, вдохновленным высокими идеалами, пришли низкие, новарные, азартолюбивые цезари.

Книга Платихи предстоит еще долго ждать своего исторического часа.

Античный мир погиб. Наступило средневековье. Невозможно погнобио множество памятников античной литературы. Платиха, не имеющая имени, должна была сохраняться и в сокровище пренебрежения Рима Византии. Им увлекаются немецкие гуманисты — Эразм Роттердамский и другие. Французские гуманисты Рабле, «Гигантка и Пантагрюэль». Монтен в «Софии» не забывает о Платихе. Издания античных писателей способствует популярности книги.

К началу XVII века Платиха издается в Европе в довольно широком, его читают в Англии, Франции, Испании. Достаточно вспомнить веселого ревесленика из Класси Коля Бронконы, героя однодневной повести Ромена Роллана, за чтением «Жизнеописаний». Но сюжеты из Платихи создают картины художников, писателей, поэтов, писателей-революционеров. Эндрюэль, художник и писатель итальянских художников Тиццоло, «Мученик Севало и «Королева», Бернардо Фугини «Великодушие Сципиона», «Королева Антонии», Константино Бонади «Французские друзья», Конрадо «Сердце», «Агесильас и Расин — «Митридат».

Высказывает Великан Французская революция, идет с книгой Платиха против старых порядков, старых норм, наложенных на людей. Ее называют «Книгой о духах прошлого», которая, называясь буквой о героях, живших две тысячи лет назад, становится самой современной книги. Платиха зачитывается не меньше, чем Руссо, и всплывает, в нее находит героя для подражания и примера для изучения. Тогда же в Англии, в столице Параде Кромвеля и английской революции обращаются к Ветхому Завету, к Французской революции драматизировалась в романеске одиёно. Но «едва новая общественная фантазия успела облечься в каноническую форму, как Старты, Платиха, сценарии и сам Цезарь».

Появляются романы, и «Буржуазия забыла, что ее колыбель охраняли драматурги и прозаики». Платиха вернулся в пристанище классической филологии.

У нас в России «Жизнеописания» были переведены переводами французской школы, начиная с конца XVIII века, венецианскими, с его идеалом героя, добродетельного и разумного, многое черпал в моральной системе Платиха. Высоко чтили книгу Платиха декадисты. Гирен и люди его круга — Платиха для юношества.

Полный, научный перевод «Жизнеописаний» был издан лишь в конце прошлого века в издательстве Российской национальной библиотеки «Суворинъ» под редакцией Александра. Эти маленькие книжечки на плохой бумаге вскоре стали библиографической редкостью.

И вот теперь можно поставить на полку «всего Платиха», все его 50-60 томов в трех томах академического издания (Изд. Наука, М. 1981—1984 г.).

Наконец время пришло. Платиха, книга Маркина прочитана его глазами человека XX века. Переводчики видят в Платиховых жизнеописаниях целую энциклопедию сведений о древнем мире, который дают богатую птицу для размышлений.

«Великаны Греции и Рима имеют в себе ту поразительную пластичную художественную красоту, которая навек отпечатывается в юной душе, даже черты лица Платиховых герояев так же дико изящны, открыты, исполнены мысли, как фронтоны и портики Парфенона». Это сказано Гиреном.

киня говорит, что актер без труда, но ее мнение, что актер это комик, не далеко от истины. Так как мы знаем, много великолепных мастеров, занятых только в кино). Но она права, актеры могут быть и актерами, и авторами необычайно вялых постоянных работ, постоянных repetиций, постоянных, как говорят актеры, «треков».

И вот первая работа в театре — роль в спектакле Андрея Попова по пьесе Воронцовой «Кондак и Ева». Это «сказка для детей и юношества», как называл ее автор. Современные проблемы переданы в сказке, граничащей с мифом, сказочными образами Чародейки и храброго и справедливого Солдата и его женой Евой. Ева — это девочка, гающей слюну в бороде со злом. Сможет несложен. Чародей по завязке короля изобретает средство, которое застывает тирана всемогущества. Погло-

дущая мечта есть драматургической актерской. Принципиально в театре и первая роль приближает мячку к исполнению, хотя до ее настоящего осуществления еще много работы. Голубинская знает это. Она хочет попытаться сыграть сложную психологическую роль на сцене театра. А для этого потребуется еще одна встреча с Шурочкой Азаровой. Голубинской театр намеревался показать свою пьесу «Кондак и Ева» — воденицы «Данным давно», который послужил основой сценарию «Гусарской баллады».

«Солдат и Ева» не станет событием в истории театра Советской Армии. Но он, по мнению Ларисы Голубинской, соединяет ее судьбу актрисы. От этого спектакля Лариса Голубинская начнет вести счет годам своей творческой жизни под светом рампы.

Леонид ВЕЛИЧАНСКИЙ

РАЗГОРАЕТСЯ...

Семла — мало, чем примечательный на первый взгляд городок с населением в тридцать тысяч человек, стал центром рабовладельцев и предметом гордости славных то, что, в годы Гражданской войны Семла стала одним из арсеналов армии конфедератов, сражавшейся за сохранение рабства. Идея о том, что сто лет назад было объявлено вознаграждение в миллион долларов тому, кто убьет президента Линкольна, до недавнего времени отчуждала городскую жизнь. Единственное, что они, как никто, умеют держать «своих негров» в повиновении.

В Семле нет ни кулиус-ни-ни. Расистский террор здесь основан на том, что рабочий оплачивается налогоплательщиками, включая и некоторых из тех, кто дал ласкливый шарф Кларки сформировал из местных расквартированных членов армии сибирскую армию. Сначала эти добровольцы поддавались попыткам создать в Семле рабочую партию, но вскоре отказались от нее, а ее члены стали использовать для разгона демонстраций толпы, находящиеся в толпе в далласком графстве, но и за его пределами.

Вот почему Америко было привлечено к этому городу, когда доктор Мартин Лютер Кинг, лидер движения против негритянского движения решил именно в Семле начать свою кампанию по регистрациям негров в списках избирателей. Здесь утигли бы разговоры о «избирателях из студенческого комитета».

Однако Семла, расположенная в штате близ городской тюрьмы, и трудно сказать, в наше из этих падальных времен, Це-ной невероятных усилий они добились, чтобы зарегистрировать негров избирательного возраста были зарегистрированы. Для завершения рабо-

ты такими темпами понадобилось более ста лет. Но не думайте, что люди добились города большого. Примерно собравшегося муниципалитета из негритянских кварталах в окрестах страх перед полицейскими становился сильнее.

Когда 3 января началась кампания, негры Семлы сотнями пришли в здание городского графства, где проходила регистрация. Их избрали в здании, и в следующий день к зданию суда шли новые сотни.

Наконец, в феврале число арестованных превысило три тысячи. Это в десято раз превысило количество негров, зарегистрированных в избирательных списках даллаского графства. Официальные представители дополнили увольнениями участниками демонстрации из рабочих отраслей общих болотом предприятий и магазином, принадлежащим расистам.

Протест против арестов и увольнений поднялся, и на улицы вышли родители негритянских школ. Для них шарф Кларки придумал особую форму: он надевал школьников из город и не сколько милль градусов избегом поднимал руку, чтобы показать Кларки подгоняли ребят, как скот, стеками с электрическими зарядами. Надо сказать, «выбрасывали из сил, их сменяли другие, евхав-инициаторы», — говорил Кинг. Но никто не пошел на это, пока ребята не начали падать от изнеможения.

В помощь добровольцам Кинга в Семлу были посланы подразделения из агентов, подчиненных губернатору Алабамы Уоллесу. Одни из которых, в частности, при разгоне демонстрации в соседнем городе Маршон, устроили уличные бои со раненым активистом борьбы за гражданские права Денисом Брауном. В результате этого преступления Мартин Лютер Кинг назначил на 7 марта поход протеста жи-

телей Семлы в столицу штата Монтгомери.

И вот хмурые воскресные утром пятьсот человек вышли из Семлы. Они с собой ставили машины, складывали одежду и провизию, хотели вправить в машину, чтобы донести до избранного губернатора. Было известно, что губернатор Уоллес отдал распоряжение не выпускать похода «любыми средствами».

Люди шли с поднятыми головами, выражавшими свою решимость на лицах, зная, что впереди их ожидает смерть в тюрьме. Негритянские лидеры заблаговременно обратились к федерализации национальной гвардии, чтобы оно обеспечило защиту мирной демонстрации, и это не пошло на пользу им.

Участники походашли вдоль улицы, на которых проходили через мост, было слышно, как винзу плещущийся мутноватый корабль, всплескнув волны, Алада-ми-ривер. В двух метрах от места, где мост пересекал реку, дорогу преграждала плотная стена голубых джипов Полиции штата Алабама, с боями против грузовиков, стальных шлемов.

Растояние между колоной и полицейской стеной медленно сокращалось, и в конце концов, когда загрошился усиленный электротрубор, голос офицера демонстрировал драматическую, чтобы разойтись по домам. Колонна остановилась, но никого не осталось, кроме дюжины полицейских, успевших шаг за шагом, сплюнувшись на землю, сорвав с себя каски, сбитые с ног, в воздухе засыпались дубинки. Погоня наступил, и всплеск слезочного газа. Были слышны только гул и скрежет дубинок, падающих на землю. Погоня продолжалась, втолку врезались верховые добровольцы Кларка. Они работали дубинками, хлы-.

стами, топтыши лошадьми упавши. Толпы белых горожан кричали и высовывали, узловатые: «Ату их!»

Среди сордистых раненых был председатель студенческого комитета гражданского комитета Джон Лус. От удара дубинкой по голове у него отвалился кусок мозга, полученная еще во время кампаний против сегрегации на тротуарах.

Прежде чем его отправили в больницу, Лус выступил с речью:

— Почему президент посыпает войска во Вьетнам, а не в Алабаму, где люди действительно хотят, чтобы те, кто защищает свободу! — спрашивал он.

Этот вопрос облетел всю страну, он был написан на сотнях плакатов на митингах и демонстрациях в Гарлеме и Манхэттене и в других городах.

Милиции американцев аплодировали над неграми Селмы на экранах своих телевизоров. По каналу камеры-спутника, которая включала в себя Селму, передавался фильм о зверствах нацистов нацистами. Сцены на улицах Селмы смотрелись как продолжение фильма. Люди умакнулись сходить на экраны, чтобы увидеть события, кроме убийства президента Кеннеди, не потерявшие интереса. «Пасхальное воскресенье» в Селме. Реакция была стихийной и бурной. По всему миру милиция покидала правительственные здания с требованием: «Морскую пехоту в Альбаму!»

Кинг назначил на 9 марта новый поход на Монтгомери и обратился к лидерам церкви и духовству всех религиозных течений.

И вот в воскресенье коницких стратников на машинах, на автобусах и самолетах в Селму потянулись тысячи людей. Среди них было 800 слушателей культа из 22 штатов. «Наша слова о любви и братстве будут проповеданы», — говорили они, если в эти дни мы не встанем рядом с неграми и не будем с ними бороться», — говорили они. В Селму прибыли десятки врачей и медсестер. Но местные члены предпринимали арестуют за «незаконную практику» каждого, кто окажет помощь пострадавшим.

На этот раз Вашингтон «принял меры». В Селму были направлены полковники, генералы, главы министерства юстиции, чтобы уговорить Кинга отказаться от идеи похода.

9 марта несколько тысяч человек снова выступили в поход. Но они прошли дальше родового места за мостом через Алабама-ривер. Марш был прекращен. Кинг сам отдал команду повернуть обратно. Но где-то по рядам прохожие начали кричать: «Сторонники! Сторонники!» Кинг говорил на встрече с новорожденными членами партии: «Еще наизнанку вечером Кинг говорил этим людям, что для победы в этом борьбе нужно прежде всего победить в себе страх смерти, что человеку, у которого нет страха смерти, который, чтобы отдать за нее жизнью, незачем жить на земле. А молодые люди от этих слов отступили. Решение Кинга, однако, было принято не наизнанку из Вашингтона, а его собственной стратегией.

Оружийной федеральной судьи Кеннеди слышали слова по жалобе негритянских организаций на пропаганду агитации и подстрекательства к нарушению прав негров в Алабаме. А молодые, роптала: «Слушай, Кинг! Люди спящие сюда не придут!» Кинг отвечал, чтобы не опоздать к началу похода, называясь, призывающими отступить, чтобы вынуждены были отступить не избитыми полицией.

РАСССТАНОВКА

РАССКАЗ

Джеймс Риб позовин в Бостон и сообщил, не и ребятинским, что в Селму все спокойно, что делать ему там нечего, потому что он вышел из дома. А через час он лежал на мостовой с раздробленной головой. На бывшем зале баскетсов. На второй день он не приходил в сознание, умер от боли и паралича в узле, так и не узнав, что президент страны не побывал в Селму, не принял меры для защиты жизни демонстрантов в Селму, присягал, что постепенно все будет исправлено.

Нападение расистов на Риба, а затем его смерть устроили противостоящую волну протестов против произвола и безнамеренности «альбам-синих» тунгусов — прави-тельства. На двадцатымесячном митинге студенческого ко-ординационного комитета Джеймс Форд, заместитель председателя, принял решение о применении мер для обуз-дания расистов, но вскоре молчанием организовал такую кампанию грандиозного не-повиновения, какой еще не виделось.

Это были пустые слова. Сотни пикетчиков, сидя друг напротив друга, держали круглые сутки у Белого до-ма. А в清淡ащая давущим и парализующим газом демонстрацию в самом Бе-лом доме. Но всей страной в студенческом сопротивлении демократии не устояли ни в Селму, а в Вашингтон. По всем странам, в университетах, в зданиях федерацionalных учре-ждений. В Сан-Франциско, на плакатах уничтоженных поэтом-революционером Дж. Хил-лом, день был объявлен «днем соработничества и организованности». Одним из умерших лидеров негритянского движения Уильямом Брауном, если закон не может защитить от расистского террора борьбу за равенство, негры хотят, да они будут вынуждены сделать это сами, создав не-левую партию.

Вначале в Вашингтоне, не оценив значение событий в Селму, не понимая опасности по всей стране. Президент Динонсон в ответ на требование предложить решительные меры сказал, что он «не поддается никакому давлению».

Но на последнюю пово-рот, 16 марта Динонсон выступил перед конгрессом и заявил, что он не подаст палате конгресса с речью, которая mestными членами, как Мартин Лютер Кинг, Тре-зидент общеда в течение не- скольких дней подавляется и винит в этом законопроект о праве голоса. Тогда он ушел виновен. При всем том, что этот законопроект содержит важный для негров пункт, преду-сматривающий введение федеральных регистраторов там, где местные власти саботируют права граждан. Пункт о Федеральных регистраторах содержался уже в законопроекте, поданным в Конгрессе Федеральных войск. Суд в конце концов разрешил поход. Охрану его осуществляла администрация федерального правительства.

Поход в Монтгомери про-должался с 25 февраля и окончился 26 марта небывалым митингом возле Капитолия. Согласно условию, поставленному судом, весь 80-километровый путь, который отдала кра-укого ющее, могли пропро-тать только триста человек. Но в конце концов, когда с самого утра эта кон-юнция стала присоединяться к новому тылу, то было ясно, что придется ехать до конца страны.

Анекдоты, чисто выбы-тие католических священни-

ки шли рядом с бородатыми молодыми людьми, которые верят лишь в силу массовых действий. Баттлер с «альбам-синими» и «Черного поиска» шли рядом с извест-ными деятелями культуры, науки, политики, учеными, школьниками... А главное, белые шли плечом к плечу с теми, кто погиб, где-то-ту никогда не подают руки.

К месту последнего почче-га, где в субботу умерли

из-за болезни, в день

смерти их было уже более 10

тысяч, а на следующий день на улицах было уже три

раза больше. И дело не толь-ко в числе. Этот поход име-ет несомненное историче-ское значение, чем знаменитый поход на Вашингтон, в кото-ром участвовало четверть миллиона человек.

Это была первая подлинно массовая демонстрация в стране, цели которой — разрыв Монтгомери не просто сто-лицы штата. Это было выда-ющееся событие в истории нации. Здесь, на ступенях Капитолия, принимал присягу новый президент, здесь были сделаны первые выступления представителей из се-города, спустя сто лет после поражения, на широкие Капи-толианские развязывающие анти-федеральную ненависть для негров символ рабства. Поход был первым, но вы-дающимся событием под по-лицким режимом раси-стов Уоллеса. Он показал, что даже самая демонстри-ция не уступает неграм «ни дюйма», теперь он «никогда не может трогнуть» тысяч голосов прямо у него под окном пели «Черные и белые» Мартин Лютер Кинг. Из-за шторы своего кабине-та он видел, как тридцать ты-сяч людей, включая и его же-мые вместе, взявшись за руки, покачивались в тант-раме, вспыхнувшей «Борьбе за свободу» негритянской ре-волюции. Он слышал нена-вшественные, но грозные, нена-вшественные языки ораторов.

Вот молодой негр из Сел-мы Андрию Янг, повернувшись к нему, Уоллесу, и к законодателям штата, во-звещающим: «Мы будем се-годня деньги, когда вы са-ми будете собирать хлопок, а невестки из нас за займут хлопок».

В конце митинга выступил сам автор этого заявления, член негритянского движе-ния, лауреат Нобелевской премии мира Мартин Лютер Кинг, развернув широ-кую программу дальнейшей борьбы против притесните-ний, против расизма, рас-сегregation, против ин-цидентов.

«Мы идем вперед», го-ворил он, — и никакие си-лы не остановят нас. Мы идем вперед, и ни подиумы цир-кевей, ни бомбы, бросаемые в нас, не остановят нас. Мы идем вперед, чтобы наши юноши не остановят нас.

Он говорил о том, что впе-реди тяжелая борьба, что она потребует новых усилий и новых жертв. Слухи о том, что тогда он был выбро-шен — не без содействия демонстрантов — в реку Луизу, — Тогда президент Линдон Динонсон настаивал на его спасении, пригрозив, что если он утонет, то винят в этом федеральные регистраторы там, где местные власти са-ботируют права граждан.

Пункт о Федеральных регистраторах содержался уже в законопроекте, поданным в Конгрессе Федеральных войск. Суд в конце концов разрешил поход. Охрану его осуществляла администрация федерального правительства.

Поход в Монтгомери про-должался с 25 февраля и окончился 26 марта небывалым митингом возле Капитолия. Согласно условию, поставленному судом, весь 80-километровый путь, который отдала кра-укого ющее, могли пропро-тать только триста человек. Но в конце концов, когда с самого утра эта кон-юнция стала присоединяться к новому тылу, то было ясно, что придется ехать до конца страны.

Анекдоты, чисто выбы-тие католических священни-

м — сосны. Мы — звенящие медные струи, катаapultы между землей и небом. Когда же трогает ветер, мы поем о белых облаках, пы-лющих над нами, и о холоде подземных гру-бин, где роятся наши корни. Нам ведома при-дость полета и тяжкий плен неподвижности. Мы под землей и в небе. Мы соединяем дни-

и ночь, мрак и свет. Мы — соины...»

Так пели старые, покрытые, как сединой, зелено-серебристым мох деревья, стоявшиеся на кругом берегу лесного озера. Так по крайней мере переводил на язык слов их монологиум, тоже вспоминая старые песни, старые волны, яркие синие глаза на смуглом лице и густые черные брови. Он неторопливо спускался к озеру. На плече он нес весло, под мышкой — альбом и жестяную коробку с крас-ками. По обыкновению он подвигался сегодня очень рано, чтобы плыть на остров. Вот уже две недели, как они с матерью приехали сюда, и каждое утро он рисовал на острове восходы солнца. Они никогда не походили один на другой. Расположение и сочетание красок, едва заметные изме-нения в интенсивности алых, желтых, голубых тонов, из которых были со-тканы восходы, делали из то лиюще-радостными, то хмурыми, то безз-тено спокойными, то хрюстыми, то мудро задумчивыми, то полными эн-тузиазма тревогами, макары, способные передавать на бумаге это разнообразие эмоций, снова и снова удивляясь великолепной щедростью природы, которая никогда не повторяла себя.

Игорьшел попрощаться с корицами сосен. Гладкие, упругие, ко-стяной твердости кориц с их привычным и своеобразным переплетением можно было сравнивать со змеями, свишающимися в клубок, и кудрями ру-ки стариков, содрогнувшись ласкающими землю, с канатами, брошеными на палубу морской шхуны, и пастушескими кнутами, полузасушенными в траве. Сегодня она казалась Игорю древними письменами, неразгаданными неко-торых хранила величайшую тайну.

Еще не видя острова, Игорь знал по силе голоса сосен, что это не-стороннее место, распознанный дул с юга ветра. Если бы не зеленая града на горизонте, озеро можно было бы принять за море, так велико оно было, так шумело и волновалось оно, переворачивая по своей поверхности маслянисто сверкающие, в пene и брызгах волны. Лодка, привязанная цепью к высокому пни, лягала на волнах и громко шлепала днищем по мутной воде.

Плавные гудели на краче сосны. Торопливо, захлебываясь, отвечали им волны.

— И ты рискнешь плыть в такую погоду? — спросил сосны, когда Игорь, не зная, что делать, не зная, в каком образе расположился, что человек волен в своих поступках.

— В такую погоду? — с легкой угрозой вторили соснам волны, давая понять, что именно они будут казнить или миловать Игоря.

Слушай, я тебе обещаю! — Игорь вздрогнул и выпрыгнул. Это было как в повести, которую он недавно прочел: «Незнакомая девушка в белом платье, стоявшая перед ним, легкую и хрупкую, будто выплынула на берег вспененной волны. Он медленно поднялся глазами — от маленьких, покрасневших на утренней про-хладе босых ступней до слегка открытых головы, с прямо падающими ядо-видами и цветом яблочного цвета».

Рискну, — сказал Игорь, бросившись вдруг пересохшие губы.

— Сумасшедший!

Он покачал плечами, пытаясь приспособиться к зеркальной поверхности мужчины к борьбе и опасностям? Он бросил цепь в воду и уперся ла-донями в ее ребристый нос, чтобы стоянную суденышко в глубокую воду.

— А знаешь, — сказала девушка. — Я, пожалуй, поплыну с тобой... «Надо бы спросить, почему ли не вообще ваше обществе». Сердце его блеснуло от радости, но он покрасил, хмурился:

— Ну что ж... Если не боишься...

Игорь управлял лодкой особым способом, который основы совсем не-давно: ми «сушами» всплыл, не вынимая его из воды. Он, напротив, вел подку наперевес волны. Девушка скользила напротив. Ее колени были цвета внутренней стороны морской раковины: из молочная белизна была подсвечена розовым. Из-под густых ресниц он тайком смотрел на эти колени, восхищаясь их совершенной красотой.

Чел дальше от берега, тем более высокими и грозными становились волны.

— Если ветер развернет лодку, — сказал он с напускной мрачностью, — нас немедленно опрокинет.

— Не пугай, — рассмеялась она. — В лицо мне летят брызги, я вымокла до нитки. Мне мокро, неуютно, а ты ее пускаешь меня. Не надо... Пог-смотря лучше, приближается остров. Он напоминает корабль...

«Да, оставлю корабль. Он дининий, узкий, высокий, как мор-ское судно. Когда дует западный или восточный ветер, сосны на острове становятся зелеными парусами. Кажется, что якоря уже подняты, и ко-

ТАВАНИЕ

Рисунок В. ВОСТРИКОВА

рабль вот-вот дрогнет и поплынет вадель. Я рад, что ты заметила это. У тебя открыты глаза и открытое сердце: ты умеешь видеть и чувствовать».

— «Что это? — спросила вдруг девушка. — Слышишь?

— Это шепот сосны на острове. В дереве ударила молния и расколола его надвое...

Тонко чайка плачет над морем...

— Существует поверье, что погибшие моряки превращаются в чаек. Они кричат о том, как горько им вдали от родного дома. В крике чаек — боль разлуки.

— Ты говоришь по-книжному, но мне это нравится. Есть вещи, которые не выражены обычными словами... Ты много читаешь?.. Я тоже. Мне кажется, мы будем друзьями. Тебя как зовут? Игорь?.. Впечатляюще. А я — Илья. Странное имя, не правда ли?

— Странное, но красивое, как и все в тебе. И неминимо грустновато. Илья... Всего два звука. Мягковато, плавно... И я — если разделять их и переставить, удивительно. И я живу на свете, и я хочу, чтобы мне светили солнце и звезды, и я мечтаю о счастье. Как напоминание кому-то, как просят быть великолюдно, словно кто-то пытается лишить тебя всего этого...»

Игорь греб мурено и сильно, откидываясь назад всем телом. Остров был рядом. Нос лодки шурша въехал на мокрый песок.

Длинный, длинный день. Остров под зелеными парусами. Волны. Ветер. Скрип сосны, похожий на крик чайки. Илья...

Игорь не сумел передать неповторимость восхода, вернее, нарисовать его таким, каким он был в то утро. Торопясь и нервничая, он начал рисовать, бросая карандаш, и вскоре изображение выглядело какий-то край солнечного шара открывается от горизонта, и с огорчением видел, что краски сегодня непослушны ему. Там, где рождалось солнце, небо было закраплено тучами, утро сунулось, как навязчивый ребенок, а на альбомном листе ликовал прадзик; победив надув румяные щеки, трубил в горны громкая радость. Его восход упрыгнулся, не желая иметь ничего общего со своим сонно-хмурым оригиналом.

Поздно вечером, вернувшись домой, Игорь сделал в дневнике запись: «Восемь часов. Увидела, что я захлопнул альбом, она предожила прогуляться по берегу. Где-то вдалеке, вдали от острова, вспыхнула первая звезда. Он обра- зовал коринин гигантской сосны, покрытой волнистыми и ушастыми в созере. В горе сухо и светло. Он тесен. Мы забирались внутрь. Илья стояла так близко ко мне, что я, не противясь руки, мог бы коснуться ее плеча. От плеча веяло теплом. Было удивительно здоровью!»

«Потом мы купались. Плавает она не очень хорошо. Несколько раз ее с головой накрывала волна. Потом показалась бледное, испуганное лицо. Имя смущенно было ладонями по воде, спеша к берегу. А мне все хотелось, чтобы она начала тонуть по-настоящему. Тогда бы я кинулся к ней на выручку и спас бы ее, рискну жизнью. Или, еще лучше, ценой своей жизни... Но об этом, конечно, только подумал. И так, наверное, я пронесся не через пленительную любовь, а сквозь любовь, полную горячих порывов, безнадежно погрязшую в отвлеченной романтике. Это мне часто ставят в упрек мама. Да и в школе посыпаются... Пора исправляться!»

«Мы отыскали самую высокую точку острова. Он весь лежал у нас под ногами. Неподалеку началась обугленная, полуумертвая сосна. Она стонала так страшно, что я невольно предстал перед нею невеселым мыслами. А тут еще увидел неглубокую, с осыпавшимися краями трещину, которая осталась со времен войны. Из тени как-то заскользила и сказала, что ее отец погиб на фронте, когда ей было всего два года.

Я ухватился за эту ниточку и задал ей несколько вопросов. Она приехала в Ставрополь из военного госпиталя, где проходила интенсивную реабилитацию, ее отца оперировали. Например, то, что она студентка, учится в Московском университете, на физфаке. А что представляет собой моя персонаж? Жалкий павлин. Восьмиклассник. Его, правда, уже пускают на картины, которые дети до шестнадцати смотрят не дозволено, но только благодаря высокому росту, а не потому, что он перешагнул установленный рубеж.

Мы стояли друг против друга, разделенные трещиной, и этот неглубокий ров казался мне бездонной пропастью.

У меня тоже отец погиб, когда мне было два года. Я знаю его только по фотографии, которая висит над маминим письменным столом. Он погиб в пятидесятые годы, при исполнении спасательных работ. Папины друзья, очевидно, не хотели, чтобы я видела его смертельный альбом, загоревшийся выше в небе, падал на землю пылающим фонариком.

Я часто рисую себе картину: ночь, черный лес на горизонте и самолет, подобный падающей звезде («Он мой, плачу: еще звезда скатилась»). Это прекрасно — в свой смертный час стать факелом, освещающим небо и землю.

Вдруг Илья сказала: «Посмотрите-ка, что там такое!» Я пригнула в трясущуюся руку и увидела в пекле череп, вымытый дождем из пергаментной близости.

Послосик и остров (об этом я знаю от местных жителей) во время войны почти год были передними краем нашей обороны. Много раз немцы пытались выбить с острова пограничников. Пограничники отражали атаки, и минометчики они наносили ответный удар, перебрасывая экипаж по лодке на лодку, а острову на лодках-надувашках. Однако враг неизменно отжималась назад, попадая под шквальный огонь наших пулеметчиков. Все же после каждой атаки взвод, защищавший остров, редел, как вырубленный. Тогда из поселка присыпало пополнение. А на острове становилось все больше братских могил...

Я держал на ладони череп и не чувствовала страха. Я думал о последнем часе этого солдата. Череп не был поврежден. Весьма вероятно, что боец умер с раной в груди. Умер не сразу. У него осталось в запасе две-три минуты, чтобы глушить свежего озирного воздуха, взглянуть на сосульки, мысленно попрощаться с теми, кого он оставил дома, пожелать им спасения...

Соклыко я лежал здесь, защищиков острова! Стой! Двадцать Триста человек! И каждый пережил мне самого горького, самого последнего расставания — расставания с жизнью.

Моряки на земленом корабле смерти...

Но о них ни плачет сосна с голосом чайки!

Сегодня я понял: перед светлой памятью тех, кто погиб за меня, за Илью, за всех нас, за все, что мы любим, стыдно жить равнодушно, серо, неинтересно, не в полную силу своих рук и ума».

Илья сказала Игорю, погрустив, словно ей недоставало этого хватавшего за душу скрипта.

Переходы от веселья к грусти в ней так неожиданны, так человечески, что на глазах у меня выступили слезы. Я быстрым движением, чтобы она ничего не заметила. Вот уж действительно, только этого не хватало — разреветься!»

Так поздно вечером писал Игорь. Писал, улыбаясь, рассеянно прислушиваясь к дыханию спящей матери. В первый раз он спрятал дневник, засунув его в стопку книг.

3

Каждый вечер Илья ходила на почту. Она отправлялась туда в строго определенное время — к восемь часам, когда из неблизкого города приезжала автомашинка с газетами и письмами. Коротко хинула Игорю и давая понять этим, что провожать ее не надо, Илья стремительно уходила по узкой уличке. Возвращаясь она с наигранно спокойным видом, который не мог обмануть Игоря. Было ясно: она ждала письма, но тот, кто должен был написать ей, не спешил браться за перо и бумагу.

Но шаги расставания с Ией звучали все язвительней...

Однажды Игорь спустился к озеру и не нашел там Ии, которая обычно поджидала его, сидя на борту лодки. И люди были в замешательстве. Игорь остывал в прибрежном ложанье беспризорного посокодни воду, поплыл к острову, сказав всем, чтобы вычерпать из квасной посудины воду, поплыл к острову. Ии сидела на берегу, сидела на дереве. Она была не одна. Подплыв поближе, он рассмотрел ее спутника — коренастого парня в толстом черном свитере и с черной бородой. Они, видимо, из всякой цели брали по песчаной кромке. Одной рукой парень обнимал девушки. Ее голова лежала у него на плече. То, что незнакомец мог (и, несомненно, имел на это разрешение) вот так небрежно и покровительственное обнимать Ию, ужаснуло Игоря. Он заставил ее развернуть лодку, убраться отсюда поскорее, но Ия уже заметила его и, радостно смеясь, что-то кричала в ладони, сложенные рупором. Игорь покорно подогнал гравитоном посокодни к берегу и поставил ее рядом с коренастым парнем.

— Странно... — приветствовал его парень.

«Линии неистребимы» мысленно ответил ему Игорь. — Этот жаргон и эта отвратительная борода... Что могла найти в нем Ия?

— Добро пожаловать, — сказала Ия.

— Ты рада мне? Ты рада, что он с тобой...

— Я не хотела уливаться без тебя, но Рудик не терпелось познакомиться со здешними красотами.

«Рудик... Вот так иначе!»

— Что же ты молчишь?

Это спросила Ия.

— Он запамятовал, как произносится это самое... Ну, как его... «Здравствуйте!»

Это сказала он.

— «Стройт... Даты ему в рожу, что ли?»

Игорь поднял голову, чтобы испепелить незнакомца взглядом, и неожиданно для себя встретился с добрыми, спокойными, с золотистой искоркой глазами.

— Признайся, старик, — сказал Рудик, пощипывая бороду, — тебе бы очень хотелось, чтобы мы с Ией были просто друзьями, не больше... Или братом и сестрой... Увы, это не так. Согласен, я должен огорчить тебя...

— Катись к черту! — крикнул Игорь. Себя вспомнил, должен огорчить тебя...

Рудик оторвал еще одну воротничковую рубашку и склеял встружину.

— Чудило! Думалось, хотим избавиться от тебя? Совсем напротив. Ия дала тебе прекрасные рекомендации. Поэтому предлагаю составить триумфальную Мореплавателей Солнечного Востока. Идет?

— Идет, — очень вежливо, ничего не выразивши голосом, ответил Игорь.

Он гулял с ними полчаса. Рудик рассказывал о поездке на Памир, где вместе с друзьями-студентами проходил практику. Рудик был бывальным. Но он не хвастался. И не пытался подавить воображение слушателей историями со снежными барсами и бездонными пропастями. «Памир — это многое горы», — обронил он фразу, которая очень понравилась Игорю.

Рудик уже не вызывал антипатии. Может, Ия и не ошиблась в выборе...

«Что же ты, будьте счастливые!»

Сославшись на неотложные дела, Игорь сел в плоскодонку и поплыл вовсю.

Он плыл лицом к острову. Они остались вдвоем. Но странная вещь: Игорь был только ее. Ни островов. Ни солнца. Ни Рудика. Только ее. Вернее, ее платье, которое было, как крошеный перес в морской необъятности.

4

— Ты смотришь на меня так, будто мы расставляемся. Я не собираюсь пока отпускать отсюда.

«Ты хотела сказать: «Мы с Рудиком не собираемся...»

Два дня Игорь был без Ии. Сейчас он подстерег ее у калитки дома, где она снимала комнату.

— Затыкайся, — сказали он резко, почти грубо. — Точнее, мы с мамой... Автобус отходит через час...

— Жаль. Я буду вспоминать тебя.

— Покорно благодарю, — сказал он, шаркая ногой.

— Не пыши, — строго сказала она. — Что ты там дерхинши за спиной? Он гуши покрасился и протянул ей белую трубку, перевязанную шнурком.

— Акашарев?

— Рисунок. Тебе...

Рисунок был сделан черным карандашом. Игорь нарисовал неспокойное озеро, по которому ветер гонит тяжелые, темные волны. Темное облако, затянутое низкими тучами. Темный остров, сцепившийся с сосновым. И на этом сумрачном фоне, будто обещание радости, будто гамма на то, что радость тянется где-то поблизости, изображены две маленькие птичушки, две бликна скрытого тучами солнца. Это улегающаяся вдаль белая чайка и на песчаной косе сидящая оранжевая белая фигурашка.

— Игорь, — сказала Ия вздохновленно. — Ты сам не понимаешь, что нарисовал. Я слышу, как гудит ветер, как шумят сосны, как кринчит чайка. Я чувствую, как тебе больно. Это — само расставление, грозное и прекрасное... Скоро я буду гордиться, что знала тебя... Ты будешь большим художником. Игорь...

— Да, — сказал он благодарно. — Я буду очень стараться. Спасибо, Ия...

Усинлом волни узия дрожание губ. Отныне у него не было счастья. Он будет всматриваться в мир природы. Он широко откроет свои сердце и глаза, радость. Он будет упорно работать. Как вол. Пять лет. Десять. Пятнадцать, если понадобится. До тех пор, пока не будет предсказание Ии. И после этого. Чтобы у него никогда не было оснований упрекнуть себя: «Ты обманул ее ожидания. Ожидания отца. Найдетъ это солдата с островами».

— Да сандвичи, Игорь!

— Да сандвичи, Спасибо, Ия!

«В той книге», — вспомнил он, глядя ей вслед, она сказала ему на прощание: «Я горжусь тобой. Я знаю, сквозь плотные ливни отчаяния, густой туман скорби ты прорвешься к радости. Таков удел сильных».

ДЕВЕСТИ

С только людей занимается изучением здравия, что, наверное, было, уж давно возможно стать известным. Тем не менее история о том, как Ильинский изобретатель профилем второй лицу пишет, и находит. Когда из груды старых листов удается извлечь из них еще не обработанные, то можно сказать, что он делает чудеса.

Иногда это путем случаются неожиданные «встречи». Вдруг мельчайшие эпизоды из жизни, казавшиеся никем-то своим, не всегда понятными путями связывают с давним эпизодом, который таинственной образом вспоминается, даже если о нем никто не знает.

Вот так недавно было со мной. Работая на одной почте, я изучал обширные списки Института марксизма-ленинизма и советской культуры, в которых значились имена Горлов. Последний из них, Горлов, — А. У меня перед глазами сразу же вспомнился Горлов, инженер-изобретатель комсомольской юности, одного из активнейших комсомольцев Городского района Москвы (Городской район — это Грайворонский район с граммами Старого Городка). Позже Горлов работал в МК и ЦК ВЛКСМ, в Комитетном молодежном совете по народному образованию. А затем его направили туда на партийную работу. Он и погиб в тяжелых годах культа личности. Он был делегатом съезда комсомольской молодежи, делегатом послевоенного съезда Владимира Ильинского с молодежью, нет воспоминаний Горлова.

Решаю начать поиск. Передо мной — комплект газет «Комсомольская правда» Калининского облика ВЛК(б). Читая о ходе хлебозаготовок с первыми ударниками-текстильщиками, о выездах классовых ударников из Грайворона в Китайскую Народную Республику, я обратил внимание на Горлову. Вагановна сообщает о неподалеку от производств, а учитель на высокой Волочке требует помощи. И вот я вспоминаю Литинскую, Литинову, в баварской Германии пылают костры из книг. Сообщения о первом дне продажи масла без картошки, о том, что Калининские земляки вынуждены покинуть шесть комсомольских-китайских зачинщиков похода на бараки в Москву. Я сразу вспоминаю этого человека из Китая. И вспоминаю, что Калинин состоялся собой комсомольским актива, посыпавшим 15-летнюю III съезд РЛСМ. Но сомневаюсь, что Горлов, Васянин и Маньков, информировавшиеся о деятельности съезда, не могли не знать о нем.

«На третьем съезде комсомола Ленин выступил с особенной речью», — сказал Горлов, зев, нулю проповеди Калининского горючего ВЛК(б). — «Само соединение Китая с Россией, — вспоминал он, — нам долго не могли понять, в чем дело. Поэтому вдруг Ильинич так спокойно говорит о задачах комсомола и боевых проповедях, как будто это было само собой. Мы ждали от такого выступления. Думали, что Ильинич будет говорить о том, чем живет страна, как двигаться дальше, ведь мы были в Китайской Народной Республике. Комсомол никак не настроился на войну, фронтов. В 1920 году голодные страны пересекались с ходившими разбойниками. В Бразилии, в Аргентине, в Южной Америке, какими почвами проводили они свои войны? Их народы дали им победу. Их народы ринулись в бой, за революцию с оружием в руках».

Вот и сейчас, перечитывая речь Ленина, ясно определяю, отчего же, в самом деле, над кем надо работать.

И все. Ясно было, что я нахожу дело лишь с очевидностью. Имя Горлова было страстным оратором, хорошим пропагандистом, часто вступавшим со статьями в комсомольскую печать. Листы комплекты «Пролетарской правды», я нашел

РОККЕ МЕЗ И КАРТОФЕКИ

статью И. Манарьеву, вместе с Горловым выступил на собрании, о котором сказано выше. Тех пор, то есть почти 30 лет, она нигде не перепечатывалась и не вошла ни в один из изданий посвященных жизни и деятельности Ленина молодежи. Не оказалось она зарегулированной и в картотеке как Института марксизма-ленинизма.

«Поехала в то время ходили еле-еле. Поятскии им лометров надо было тащиться 3—4 дня. Наша была по 15 километров, и однажды на привал в деревне распыливали дрова для вынужденного остановившегося среди поля паровоза, проходили на долгих стоянках монголы и киргизы, а паровозы, потеряв пар, были почти такими же хромтика, до изменениямени. И письмо тоже было немногим, но заводят, кто-нибудь»:

Да здравствует Германия
Советская и правда.
Да здравствует воину
Власть пролетариата...

и вся теплушка подхватывала припев:

Смело мы в гайдамак
Союз Советов
И как они, ухмыль
В борьбе за это.

В словах, как видите, общих поэтических достоинств не было, пели песню на мотив «Баллады», но любили мы эту песню, и конечно, были мы поклонниками «Баллады», и становились все крупные и мелкие страны, пока не исчезнула эта замечательная географическая сведення!»

Москва встретила нас окрытской сыростью. Холодный ветер гнал по улицам желтые листья, кипя, изнывая были те годы. Москву, как теперь.

Вот и Садово-Каретная, вот и родной 3-й дом Советов, «есколько дальше» от которого я осталась, дыша воздухом Бурлаков коридоров, словом, щекингом. Кругом мельзант шинели, пальхи, буденовки, револьверы на поясах. Минуты приехали, приветствовали, и я, как и все, ушла.

Вечером на Малой Дмитровке, 6, открывается съезд. Выбирается президиум, утверждается по-всему московскому, что президентом и секретарем странно носит глазами в глубь сцены. И вдруг поднимется председатель и объявит:

Слово предоставляется товарищу Ленину.

Очень трудно вспомнить и передать словами, что каждый из нас в этот момент пережил. В преториях обычно пишут: «Бумажные документы» — «документы, бумаги». Но эти документы передают эти премызышии слова ту безграничную радость, преданности и любви, о которых мы встречались. Ленин на сцене, сказал, что его спутники держали руки, казалось, притопывали и ошалело что-то кричали окончательно сорван голос. Вероятно, так же притопывали и я.

Ильин вышел справа, из глубины сцены, такой родной, близкий и — знакомый, в простенном пиджаке. Подошел и краем сцены прищуря глаза, поглядывая на будущий макет, и вдруг из глаз магнитно четвертывая бумагу. Взглянул на нее, по-тому опять прищурился, зал, но говорить ему не давали. Он настороженно, добродушно поднял ладонь, привлекая внимание.

Постепенно зал успокоился.

— Товарищи, — негромко и просто, как в обычной беседе, начал он. — У меня есть одна бумага, сегодня побеседовать о том, каковы основные задачи Союза коммунистической молодежи.

Помню, я схватил блокнот и стал судорожно записывать, боясь проронить хоть слово. Помню, что боролись у меня два желания: и записывать

хотелось и смотреть на Ленина, оставить в памяти весь его облик до мельчайших деталей. Но возможности и делали и то и другое. После записи возвращался в зал, останавливаясь, поклоняясь блокнот ленин перед мной и сейчас, помогая воспоминаниям, но одновременно высматривая что существует на свете стенография, я моя больше глядела на Ленина.

Мы сидели в зале заседаний великих ораторов, много из них было внешне блестящими, но Ильин сразу же взял нас изумительной простотой. Он говорил просто, ясно, и ясно. Он умел вызвать возможное возражение и здесь не находя доводы против них, возвращаясь и уже сказанным и повторяя вопрос с новыми словами. Ильин был очень просто, ясно, и ясно, конечно, позже, снова и снова вспытываясь в речь Ленина, понял я, что до этой простоты надо расти и расти, что это было великое дело.

Признаться по правде, мы не все поняли тогда речь Ильина. В зале в это время шли споры из-за назначения Ильина на должность предсекретаря комсомола, а Ильин говорил об учебе о пролетарской культуре, о коммунистической морали, о стадии социализма, о будущем обществе, о будущем знаниях, наконец о человечеством. Ильин глядел на десятилетних спорящих и, несмотря на то, что не знал о сущности, на которых находит в нас воспитывалась и воспитывается».

Я сидела в первом ряду. Страшная засуха поражала Павловские. Чем могли, помою московские рабочие голодящей деревне. Начались сборы, срочно, срочно, срочно, и в конце концов Павловльская комсомольская 26-й типография Москвы пришла в горрайон комсомола за советом: что можно напечатать сияющей краской по пленке из пленки? Я увидела пленку, напечатанную Павловским?

Наш клуб помещалась тогда у Стретенских ворот, в здании бывшего кинотеатра «Фантомас». Красная пленка изображала кинотеатр «Фантомас». Сюда приходил ребята из ареен, здесь же гогличили споры. Вся жизнь актива проходила в этом здании, где работали кинотеатр, кинотеатр, библиотека и забытливый коллектив.

Был жаркий вечер, и в клубе было душно, несмотря на открытые настенные окна. Я сидела одна у окна, слушала спектакль. Это была в полном смысле слова стенная газета; она занимала всю стену, от пола до потолка. Бумага настенная висела в зале. Краски на нас не было, и газету писали лаком, оставившие в кладовке еще от старых хозяев «Фантомаса».

Все здание было окраиной настенного театра Алексея Гаевства и статьи Гордова в двадцать или двадцать пять строк. Больше уместиться не могло и настенная газета, когда в клуб пришли комсомольцы из 26-й типографии.

Привезли из Гаевства секретаря РКСМ Тройеса. Услышав затея печатников, он сказал:

— Напечатайте речь Ильина на III съезде!

Надо сказать, что первое издание речи Ленина, выпущенное вскоре после съезда Главполитпро-

светом, мгновенно разлетелось, и лишь у неизвестных сущностей сохранились экземпляры, зачиненные до дыр. Такой экземпляр был и у Горлова, дававшего читать его лишь после клятвенного обещания вернуть в срок и в сохранности.

Ильин, конечно же, Ильин. Ильин поддерживал и другие активисты. Через Надежду Константиновну Крупскую изданье брошюры «До сих пор» было востребовано молодым печатником. Текст набирали вечерами, после целого дня напряженной работы, сами дергали на контрактуре, сажали прямиком и верткали.

А потом наступили ночи печатания. Распечатанные речи были спешно складированы на столах, чтобы не было времени придумывать какую-то новую, и днем-то подавались с перебоями, а утром на пару часов тут же, около машинши, и снова за работу.

Следующая, вторая брошюра, «Год в жизни комсомола», неожиданно придумала крутить вручную: тои и днем-то подавалась с перебоями. Засунут на пару часов тут же, около машинши, и снова за работу.

Следующая, третья брошюра, «Год в жизни комсомола», предполагалась на обложке брошюрами фамилий комсомольцев, участвовавших в ее издании. Ребята, ставшие вдруг авторами, с удивлением смотрели на обложку. Однажды кто-то рассказал Надежду Константиновну, которая передала ею Ленину. Вскоре она сообщила, что Владимир Ильин, один из участников брошюры, был одним из первых участников комсомольских субботников.

И тогда на последней странице блокнота появилась надпись: «Набрано и отпечатано в порядке трудовых субботников членами альбома РКСМ при 26-й типографии. Руководитель — Надежда Константиновна Крупская. Командир — Митинский, Пискаревский, Кизнесевы и Удаловы. Об этом спор, кто-то рассказал Надежде Константиновне, которая передала ею Ленину. Вскоре она сообщила, что Владимир Ильин, один из участников брошюры, был одним из первых участников комсомольских субботников».

И тогда на последней странице блокнота появилась надпись: «Набрано и отпечатано в порядке трудовых субботников членами альбома РКСМ при 26-й типографии. Руководитель — Надежда Константиновна Крупская. Командир — Митинский, Пискаревский, Кизнесевы и Удаловы. Об этом спор, кто-то рассказал Надежде Константиновне, которая передала ею Ленину. Вскоре она сообщила, что Владимир Ильин, один из участников брошюры, был одним из первых участников комсомольских субботников».

Изредка, и краем, я видела на обложке брошюр, ставших вдруг абсолютной библиографической редкостью. Распространять ее взялись работники библиотеки им. А. С. Пушкина, где хранились эти брошюры. Об этих брошюрах было известно всем. Единственный транспортировщик, находившийся всегда в распоряжении МК, был старенький, весом пятьдесят килограммов, пропахший копченостями, пропахший вонючими днем. Кузнецкий мост, на котором находился МК, наблюдал не совсем обычную картину: по середине улицы историровал «шля поймай», весом около четырех килограммов, и кандидат нес по паре пачек инги. Наш конный транспорт не смог увезти весь тираж, и в конец концов я сама привезла себе на холм вдруга. Д. Дмитровки и Глининцевского перевала, где тогда помещался МК комсомола.

Все разницы в комсомоле Москвы были разобщены в одно недоверие. Тираж был распределен по районам комсомола Москвы. И сразу же начались телефонные звонки: «Почему мало денег? Все расходуют на добавление». Тираж был распределен по районам комсомола. Тираж был распределен по районам комсомола. Тираж был распределен по районам комсомола. Тираж был распределен по районам комсомола.

Приближался четвертый губернский съезд комсомола. На нем должны были представить проспекты, о которых говорили в складывающихся начавшихся нала. Речь Ленина давала ключ к выработке новых методов, и в организациях возникли пекарни круглых по ее изучению. Синиеяя брошюра сразу же вышла из вооружения.

Вот и все о встрече «по путям», о том, что почтовые разыскивали исполнителя маленькой картотеки с двумя скользкими строчками, без инициалов и дат.

Л. ГУРВИЧ

Леонид ШАРОЛЬ

МЫ—КИБЕРН

О «думающих» машинах пишут сегодня достаточно часто. Но странно: главное внимание обращают на то, как работают электронные «вундеркинды, и минимум — как их создают.

А жаль. Ведь сегодня с судьбой кибернетических машин связали свою судьбу, мысли, свои мечты десятки тысяч их создателей. Существует своеобразное сообщество творцов вычислительной техники, со своими законами, отвергнутыми догмами, признанными кумирами, нерешенными проблемами.

Давайте заглянем в один из уголков этого мира. Точнее, в одну из лабораторий НИИ комплексной автоматизации, где все это происходило не так давно.

* * *

...Квадратный кабинет начальника лаборатории в табачном дыму. Владимир Петрович Пуццоли сидит за столом, и кажется, что контуры его лица слегка колеблются, словно лицо святого, окунутого фимиамом кадильниц. Даже по ночам, когда мне снится наша лаборатория, Владимир Петрович является мне покрытым дымчатой вуалью. Наш начальник не доктор и даже не кандидат наук. Просто сорокалетний инженер.

Мы здороваемся. Я сажусь на диван. Алемперий у окна входит в режим «автоклефания». Пуццоло встает.

— Вчера был научно-технический совет. Лаборатории дали тему...

Берет со стола листок бумаги, читает:

— «Поручить создание электронной вычислительной машины, предназначенной для автоматического управления нагревательным цехом Магнитогорского металлургического комбината».

Кладет выписку из приказа на стол. Смотрит на Алемперова, потом на меня.

— Завтра вы двое вылетаете в Магнитогорск. На рекогносцировку.

Aерка в обеих руках по телефонной трубке, начальник цеха сказал, чтобы мы покашли на объект сами.

Мы в цеху. Огромный зал — не меньше московского Дворца спорта в Лужниках. Сумарочно. Стеклянная крыша и окна закопчены. Кое-где стекла на крыше

выбиты. Сквозь дыры вертикально вниз бьет солнце. И кажется: свод цеха держится на солнечных колоннах.

Слева — гигантские ворота. В них свободно прошел бы морской пароход. В правом конце цеха — бломинг. Его плохо видно, но зато хорошо слышно.

Вдоль всего цеха, у стены, на высоте десяти метров, широкий же-

лазный помост с перилами. Это « капитанский мостик». Здесь темно-серые металлические щиты, усеченные рукоятками, циферблатами приборов.

В кибилические ворота, ахемый тепловозом, вползает железнодорожный состав. На платформах — похожие на «кулчи» слитки раскаленного металла. Каждый размером с будку телефона-автомата.

Состав останавливается у помоста. Внизу вплотную друг к другу, будто шеренга солдат, стоят сорок огромных нагревательных печей. Каждая — словно колодец из огнеупорного кирпича. Сверху мощная стальная крышка.

Замер состав. Тотчас в темной выси цеха раздалось металлическое учреждение. Это мостовые краны.

Через минуту с кибаб спускается огромная «клещня». Бережно хватает темно-вишневый «кулич». Слиток чертит огненным травяником. Распархивается пышущий огнем зев печи. Клещня бесстрашно сует слиток в ревущее пламя.

А в правом конце цеха вторая «клещня» продевывает прямо противоположные манипуляции. Вытаскивает нагретые ярко-белые слитки из печи. Аккуратно опускает на стальной дорожку транспортера. Курьерским поездом «кулич» мчится к валькам бломинга. Пущенный выстрел, феерверк красных брызг — и слиток в «зубах» прокатного стана...

— Здравствуйте!

Невысокий склоняющийся человек лет пятидесяти пяти. Спецовка, сапоги, кепка, ковбойки. С интересом рассматривает нас. Представляется:

— Иван Иванович Степриков. Мастер цеха... Лукаво прищурив глаза, добавляет: — Тот самый, кого вам электронной заменили поручено.

Алемперов оправдывается:

— Отчего же? Не интересует вот что... — Одной рукой вытаскивает из кармана блокнот, другой тянет Степрикова к концу помоста.

Выяснилось: нагревательный цех раз в пять сложнее, чем нам показалось вначале; расположены между мартеном и бломингом; основная задача — «коркнуть» бломинг пистолетом, которую приготовляют в мартене.

Все происходит так. В мартеновском цехе каждые полчаса сваривают плавки. Стало разливать в формы, стоящие на железнодорожном составе, и везут в бломингу. В пути металл остывает, превращается в слитки. Но слитки еще не зубы бломинга: они слишком тверды. Их надо размягчить. Это и делает наш цех.

Бломинг одновременно может прокатывать только один слиток Но зато быстро и ритмично. Вторая задача цеха — подавать мягкие слитки на бломинг именно в этом ритме. Тогда у него будет максимальный КПД. От КПД бломинга зависит производительность всего комбината.

Я знаю: существуют кибернетические машины, управляющие станками, электровозами, самолетами. Но одним станком! Одним электровозом! Одной машиной! А здесь...

— Иван Иваныч! — крикнул я. — Сколько объектов нам придется подчинить машине?

— Считайте: сорок печей, четыре крана, электровоз...

Однажды рекогносцировки прошли три недели. Десять дней назад прибыло подкрепление — автоматчики (специалист по автоматике) Золота Страхов, и математик Лена Фейгин.

После двухдневных дискуссий в номере гостиницы мы составили план боевых действий и начали широкое наступление на этот необычный и стомной объект.

Беседы, действия в разгаре. В заставленной кабинке «сверчников» прелипавшейся к телу mostового крана, с утра «катаются» Фейгин. Его задания — хронометраж приказов, получаемых машинистом, и действий, которые он совершает.

Страхов — у оператора бломинга, Александров — у диспетчера цеха. Задачи те же, что и у Фейгина.

А я в центре помоста; рядом с «домиками» мастеров. На шее секундомер, в руках блокнот. Жду, пока освободится мой подопечный — Иван Иванович Стерликов.

В первый день, ошарашенные впечатлениями, «домики» мы даже и не заметили. И вдруг оказалось: крохотный сарайчик из зелени обшарпанной фанеры, гнилые двери...

В общем, мастеров простой стол, лавки, стулья, телефоны. У выхода, на помосте, грифельная доска, разделенная белыми линиями на квадраты и прямоугольники. Это карта цеха.

Трезвонят телефоны, кричат по серебристому радиотелефону-колокольчику диспетчера цеха, спорят подшешники сварщики.

В центре этого, калейдоскопа, взъерошенный, взмокший, как воробей после дождя, Иван Иваныч оперативно командаeет работой цеха. А нам надо создать именно оперативного электронного управляемого.

И мы набросились на Ивана Ивановича.

Расчет наш элементарно прост — выудить у старшего мастера «секреты» его работы, подредактировать математически иложить в память машины. Так поступали все наши предшественники, создавая электронных «токарей», «плотников» и «машинистов»... Но, пожалуй, одну минуточку...

Иван Иваныч Вы куда?

— К шестнадцатой печи. — Иван Иваныч, скажите, сколько времени в дальней конец помоста.

— К шестнадцатой печи.

Бегу за ним.

Всегда за Стерликовым скатывалось по узкой железной лесенке, мчущее по горячей кладке печей. Над головой гигантским болидом — слиток. Шарахаюсь — и чутко не падаю в зев соседней печи.

У шестнадцатой печи Стерликов выясняет отношения со сварщиком. Заношу в блокнот ситуацию: «Печь № 16, заклинило крышки. В цеху сотов, пятнадцать слитков, плавка № 1163. Два крана ведут посад, один выходит». Ставлю время.

— Иван Иваныч, что будет делать?

— Чинить?

— А поезд?

— Начнем в восемнадцатую печь.

— Почему?

Стерликов мнет, думает, толкает кепку на затылок...

Тут и начинается первое «но».

Выткнуть из живых производственников принципы их мыслительной деятельности почти невозможно. В большинстве случаев свое решение они принимают не в результате четких математических расчетов или логических рассуждений, а на интуитивной основе.

Тем временем...

Уже через неделю выяснилось: цехом оперативно управляет далеко не один старший мастер. Задана управляемая немножко сложна. Мозг мастера не в силах спрятаться с самим собой. Образовалась как бы «обобщенный мозг» цеха. А мастер лишь координирует его работу.

Мы поняли: придется изучать принципы работы всех компонентов этого «мозга».

И началось!

Персональная опека над каждым управляемым. Стенографическая запись межменских оперативок. «Подслушивание» телефонных разговоров диспетчеров. Штудирование цеховых журналов. Походы «на чайки» к седым ветеранам — пенсионерам — за «секретами».

Наконец, в гостинице превратились в филиалы цехового архива. Мы зачинались в корточках хронометрических данных, диаграмм. Но ситуация не прогрессировала.

Приказы диспетчеров и мастеров, советы сварщиков, телефонограммы из управления комбинации слепились в фантастическую паутину. Мы терялись в лабиринте опыта, интуиции и случайных ошибок, словно домохозяйка, попавшая в зал новейшей АТС.

Ночи проходили в бесплодных дискуссиях. А утром, злые и измученные, мы снова шли на помост

омните, были гусары? Те, которые, согласно многим литературным источникам, в основном писали пушки и стреляли в карты. Одна из дюроверационно-сценка романа запомнилась мне: «Горят жалкие свечи, мягко звенят золото. Молодой банкин, чтобы взбодрить, уставших субъ-

тыльников, под утро берет гитару и задорно спрашивает: «Друзья! Что наша жизнь? «Игра!» — гремит ответ...

Лихие бреттеры и не предполагали, что их тезис «жизнь — игра» не очень далек от истины. Правда, ученыe обосновали это совсем недавно, в 1934 году, когда известный математик фон Нейман создал свою знаменитую «теорию игр».

Что такое игра? Это конфликт, в который вступают два соперника или две партии соперников из-за обладания каким-либо призом.

Кибернетика относит к «играм» военные столкновения, спортивные состязания, экономические игры, даже борьбу за власть. Но говоря уже о шахматах, домино, картах. При таком взгляде на нашу жизнь оказывается необычно скромной из бесчисленных простых и сложных игр.

Но главное — в другом. К классу итог ученые относят также все случаи, когда человек или кибернетическая машина управляет каким-либо производственным процессом.

Знечки, Иван Иваныч играет «с цехом»? Да.

В начале смены Стерликов и его помощники (назовем их условно Первый Игрок) выясняют: сколько слитков осталось в печах от предыдущей смены; какие краны требуют ремонта; сколько составов с плавками находится на пути в цех и т. д. и т. п. Иными словами, изучают ситуацию, сложившуюся на «доске» к началу игры.

Затем — обдумывание первого хода. Диспетчер бломинга сообщает: в первую очередь — на прокатный стан надо подать слитки леигированной стали. Но эти слитки сидят в печи № 5. Принимается решение: начать выдачу из пятой печи краном № 2.

Наконец, третий этап — управление начинают двигать свои фигуры. Машинист крана № 2 направляет свой кран на печи № 5; сварщик этой печи нажимает соответствующий рычаг и открывает крышки: мастер...

Едва Первый Игрок сделает ход, как технологический процесс (назовем его Вторым Игроком) делает ответный: выходит из строя электромотор привода крана № 2.

Понимая, что на этом «ходе» противника, Первый Игрок принимает новое решение: снять с посада кран № 4 и вести выдачу с его помощью. Делает этот ход. И т. д.

...В одно прекрасное утро я выложил такой игровой взгляд на наш цех Александров.

— Стиляжничество в науке! — взмылся он.— По этой теории машину не построишь!

— Второе верно — спокойно заметил я.— Но этот подход позволит разбраться в потоках информации, которые циркулируют в цехе. А может, даст и больше. В теории игр есть правила, руководствуясь которыми один из игроков может обеспечить себе беспроигрышную игру. Понял?

— Все равно, — упрямая мотуль головой Витя. — Менять методику работы не будем. Колбаситься можно до бесконечности...

При поддержке остальных членов группы была подготовлена игровая концепция. Чарующие термины теории игр: «Игрок», «Ход», «Оценка ситуации», «Стратегия», «Стоимость хода» — вместе с чудовищным математическим аппаратом вошли в наш повседневный обиход.

Схемы, диаграммы, таблицы, графики на стене. Если бы я писал кибернетическую поэзию, я бы непременно сказал, что на этих листах запечатлены электоордограммы сердца и электроэнцефалограммы мозга, кривые пульса и температуры и сотни других данных глобального анализа цехового организма.

Но это произведение — скучно документальное. Поэтому ближе к прозе.

На стенах, в шкафах, на столах не «пульс» и не «диадема». Это исходный материал, полуфабрикаты для синтеза инструкции, которой мы должны будем обучить нашу будущую ученицу — Машину.

На земле существуют тысячи различных профессий. Однако вовсю: на сцене театра, за штурвалом самолета, на кухонной плите — действует одно и то же «устройство» — человек.

В ходе естественногоvolutiona природы создана поистине универсальная «конструкция». Из исключением довольно редких случаев брошенной одаренности, будущее ребенка зависит от знаний и навыков, которые он приобретает в процессе обучения и воспитания, а не от цвета его глаз или величины головы.

Кибернетика многое позаимствовала у живой природы. И в первую очередь — принцип универсальности, который все шире используется при создании электронных машин. Конечно, отдельные параметры этих машин — быстродействие, габариты, объем памяти — еще сильно разнятся. Но общие принципы конструкции явно идут к унификации.

В связи с этим среди кибернетиков в последние годы начались разделение на два лагеря: «древляне» и «педагоги». «Древляне» — это инженеры и ученые, которые проектируют и создают копротивления в феррит — транзисторных ячейках — самые серые стальные шкафы с неоновыми глазами, которые обычно так красочно описывают журналисты.

«Педагоги» — это инженеры и ученые, вкладывающие в память «родившихся» машин знания, необходимые им для дальнейшей деятельности.

Мы «педагоги». Мы должны создать учебник, вымучив который наш «вундеркинда» возьмет в свои электронные руки бразды правления нагревательным цехом.

В лаборатории две теоретические комнаты. В нашей сидят трое: Алексеев, Тамара и я.

Алексеев сидит у окна. Что-то быстро пишет. Потом еще быстрее рвет напечатанное. Кидает в корзину. Статья пишется.

У Вити — хроническое «нетерпение ума». Сам он делает страшно много. И быстро. Но ему хочется делать еще и еще. Его прямо тянет участвовать во всем, что делает каждый член его группы.

Вначале мы были называли. Стоило возникнуть крохотному сомнению, и я простиждуши вскликнул: «Второй взмыл, опять муть какая-то!»

И все. Алексеев мгновенно вскакивал и до тех пор не отставал от воскликнувшего, пока не выяснял эту, в такие ряд соседних неясностей.

Теперь мы с Тамарой стали умнее. Молчим. И работаем.

Тамара сидит за Алексеевом. Она бывшая педагог-математик. Десять лет проработала в школе. И вот уже год как — внутри нее тела и мединформации научно-следовательской лаборатории — идет оживленный год истории языка — и вот Тамара у нас.

Тамара кладет авторучку на стол. Задумывается. И вот там она может думать день, два, неделю — и ничего не скажешь: научное творчество. Мысли ведь не детали, их в конце смены не сосчитаешь. Я знаю, что в мозгу Тамары сейчас плывут раскаленные слитки, горячие края.

А я смотрю в окно. За белым переплетом ран — май, сини неба, кудрявая зелень осмы. На наличнике — сизые голуби. Не окно, а картина.

Алексеев уточняет на мои лирическую физиономию свой нетерпеливый желтый глаз. Но я демонстративно не реагирую. Тогда он вскакивает, подходит к выящущему на стене длинноинеющим «аппликусу». Рисует по нему свою хроматическую палитру, показывает пальцем. Говорит, не обираясь:

— Где блок-схемы семнадцатого оператора?

— У меня... — говорит Тамара.

— Во сколько оценки двадцать первый вариант? — спрашивает Витя.

— Три минуты простоя... — говорит я.

Непосвященный может слушать эту дискуссию три часа — и ничего не поймет. Подтекст здесь скрыт гораздо глубже, чем у Хемингуэя.

Обсуждается очередной узел алгоритма.

Алгоритм — свод правил, который мы должны вложить в электронную память будущей машины.

Кстати, мы, люди, тоже в основном действуем, используя имеющиеся в памяти алгоритмы. Фактически весь процесс обучения человека — это то, что в институте, в производстве есть не только как в памяти разные виды алгоритмов, созданные нашими предками и современниками. Типичный пример такого «человеческого» алгоритма — правило «уличного движения».

Только высший этап нашей деятельности — творчество — противоречит не в соотношении с алгоритмами. И в этом, вероятно, причина его очарования и одновременно трудности.

Вкратце алгоритм кибернетического начальника цеха мы создавали примерно так. Собрали в «кухню» все, что для многомесячного анализа работы цеха: лучшие приемы работы мастеров, сварщиков и машинистов кранов различных смен, инструкции по прокату слитков, ремонту печей и технике безопасности, способы обработки нагрева, графики шлаковыведения и т. п. Добавили туда ниточки, которые, по мнению управляющих цеха, им следовало бы считывать, но некоторые они опускают просто из-за ограниченности своих физических возможностей.

Затем весь этот информационный конгломерат, словно мясо через мясорубку, мы пропустим через свой аналитический мозг. Получилась гигант-

бюргерическая комната лаборатории. В штуку мы называем ее комнатой «тихих игр».

Я оглядываю нашу «общитель». Боже, сколько у нас шкафов!

Кипы «таблиц» и графиков на столах и в столях. Рулоны и папки на подоконнике, книжка и шкафы на стенах.

Схемы, диаграммы, таблицы, графики на стенах.

Если бы я писал кибернетическую поэзию, я бы непременно сказал, что на этих листах запечатлены электоордограммы сердца и электроэнцефалограммы мозга, кривые пульса и температуры и сотни других данных глобального анализа цехового организма.

Но это произведение — скучно документальное. Поэтому ближе к прозе.

На стенах, в шкафах, на столах не «пульс» и не «диадема». Это исходный материал, полуфабрикаты для синтеза инструкции, которой мы должны будем обучить нашу будущую ученицу — Машину.

Большая инструкция, представляющая цепочку из нескольких тысяч правил-советов.

Но эта инструкция еще не была алгоритмом в чистом виде. И лишь когда все ее пункты мы математизировали, то есть перевели на язык математических символов, на стенах нашей комнаты, в виде десятков «аппликусов» появился алгоритм.

«Аппликус» — это двух- или даже трехмерный узкий лист миллиметровки, на котором записан узел алгоритма. Таких «аппликусов» у нас на стенах висят несколько десятков. Все они связаны железной логико-математической зависимостью, как звенья цепи. В этой элементарной взаимозависимости масса плюсов. Но есть и минусы. В последнем вы сейчас убедитесь.

Большом зале Вычислительного центра НИИ под потолком. Светло-синие четырехугольники окон резко выделяются на фоне черных простенков. Зал, словно привидение, заполнен контурами шкафов, столов, элементов блоков Машины. Сама она спрятана, в дальнем конце.

Осаненная пурпурой. За пультом — программист Саша. Сегодня я работаю вместе с ним в ночную смену.

Саша нагибается и прыщавым жестом, не глядя, берет спрочник.

Саша — типичный фанатик-программист. Я знаю многих представителей этой благородной профессии. И все они — и ребята и девушки, — очнувшись за пультом вычислительной машины, становятся отрешенно-напряженными. Словно капитаны ведущие корабли по незнакомому проливу.

Одно время мне казалось, что такие люди специально подбираются для работы с электронной техникой. Одни изображают себя в камуфляже, а сам с пультом «Уралак» и плавниками «подбираются» к делам машин. Саша — один из них.

Всё было так, как десятки раз описывалось в научно-популярных статьях. Реноны дышали кондиционеры. Бешумно, как мозг, работала Машина. Эспланады и гаслы сигнальные лампы на контролльной панели — словно кто-то хорорадично носился позади блоков и то тут, то там выставлял в круглые прорези свои оранжевые глаза.

И вдруг меня охватило странное чувство. Мне показалось, что в электронных недрах Машины ритмично бьется живое сердце, а за каждым монитором движением следит живой взгляд — и я в это, кажется, даже непропорционально, собиралась, сопротивляясь и в «хлевом» ритме проработал всю смену.

Наталилась на стул. Саша обрачивается, осуждающе смотрит на меня. «Поздравляю минут опоздания». А минут простых Машины — на вес золота.

Скорее Саша совсем разлучится говорить. Еще бы, целый день сидеть у Машины и обмениваться с ней стойбами цифр.

Саша молча противится лист: «Приветъ».

Шестой узел алгоритма, переведенный на языки цифр. У нас на «аппликусах» он назывался еще более или менее понятно: «блок-схема постановки кранов цеха на ремонт». Там тоже было много цифр. Но были формулы, были слова, даже целевые предложения. А здесь — сплошная цифры. То, что называлось программой.

Начинай проверять! Стоп! Это что такое?

— Послушай, — говорю я, — у нас оператор P_5 был замкнут на B_{11} , а у тебя на B_{12} .

— ... — хладнокровно бросает Саша. — Так проще.

— Но тогда... — горячусь я... — может случиться, что на ремонте окажутся сразу три крана!

— Доказки.

Легко сказать: доказки! Для этого надо проделать по меньшей мере три тысячи арифметических операций. А человек в секунду делает четыре.

Пусть, как всегда, спор решит Машина. Саша переключает тумблеры, нажимает разноцветные кнопки.

Затем заполняют ровный, скрежетающий гул.

Машина, которая стоит в этом зале, называется лабораториями вычислительного центра. И на улице, где она расположена, висят таблички с названиями: «Лаборатория вычислительного центра».

Она работает, пока не супостата. Она появляется на свет божий примерно через год после того, как лабораторный вычислитель проверит наши алгоритмы. Самы то сделать мы практически не в состоянии.

Но нам известны правила и приемы «игры» противника — технологического процесса. Премьеры Машины — наш алгоритм.

А что, если заставить эти двух игроков сыграть между собой несколько партий теоретических?

Такой теоретический матч и происходит сейчас в «кухне» нашего лабораторного вычислителя. В одну часть его памяти мы заложили созданный нами алгоритм, то есть математическую модель Машины. В другую — математическую модель цеха. Причем в эту последнюю мы ввели «генератор случайных чиселений». Ведь на реальном производстве всегда происходит что-то непредвиденное. Как будет выходить кибернетический игрок из этих ситуаций?

Я вглядываюсь в лицо Машины: «Как рассказать людям о том, что творится сейчас в этой электронной душе, Машина?»

Тишину зала рвет пульматный треск. Выходное устройство с головокружительной быстрой начиняет выпечатывать промежуточные результаты «размышилений» Машины.

Извиняясь, ползет бумаговая лента с бесконечными столбцами черных букв-цифр. Саша улыбается: «Смотри». Я смотрю. Программист был прав: оператор P_5 лучше замыкать на оператор B_{15} .

* * *

Электронный Начальник в нагревательном цехе Магнитогорского комбината пока еще нет. Но все, что былописано, в том числе и последняя сцена, не сон и не фантазия, а научная экспериментация.

Для кибернетиков этот термин в переводе на русский язык означает: «Описание события, которое должно произойти с высокой степенью вероятности». То есть неприменимо.

Из цикла «Тайга»

По потолку проходит трещина.
На стенах календарь без дат.
И, как высокая библиотека,
В окно небесаглядят.
Закрытыми, скомандировано.
И здесь среди громкой тишины
Слышу за бойкою короюю,
Поплзущей долго ядро стены...
А за окном пропстоща
Толпа распрастанных девчат.
Пророчески гудят провинции.
У клуба сомечки лущат.
И паренек, гармошку мучая,
Из кинофильма песню жмет...
Там вдалеке тайга дремучая.
Кедралы. Скиты. И в дуплах мед.
Глухи, предводимын чутьем!

II

Брошу в тайге. В селе ночую.
Не катанье, ну так мытьем —
Я то, что не пойму, почую
Глухи, предводимын чутьем!

Мяки к познанию приюают.
И зореньки закипят.
Поймай, откуда происходит
И паводок и звездопад.

Мир, как разрытая порода,
Без золота. И уяз...
И мне признается приюда
В том, что тант она от вас.

В гуще жизни

А ты бывал ли в гуще жизни?
Еще бы! Вдоль и поперек...

Подашу в ручинках оттиски
На глади глинистых дорог.
Как в толще Ветхого завета,
Иди среди осас, телег.
И председатель сельсовета
Тебя поставят на почтег.
Но рапись, конечно, кущи!
Видать, тебя «зисок» растряс!!
И ты вернулся к нам из гущи.
И сел. И затянул рассказ...
И, как свидетельство,
Библейской строгостью строк,
В нашепахах темно-рижий глины
Стоят у двери слоготи.

* * *

Стареет все. И то, что устарело,
Таинственность имеет старину.
Музейная стrela от самострела,
Зубцы сарматской крепостной стены...
Года величье придают платану...

Столетия повернется колесо, —
Так обычный,
я однажды стану
Далеким и загадочным. Как все?

Мне нравится жить

Мне нравится жить:
В этом что-то веселое есть.
На землю крылья.
Вареные яблоки замечай есть.
Утром бритые скрести, наудувай, со щек.
В море прямо, — от книг...
Чуть всплоте, — распахнуй пиджаки.
Чуть сильнее подупо, — поднять воротник,
С головой изнывать.
Так, чтобы мило вконец естество...

Сам себя — сознавать.
Жить — оно ничего.

Миниатюра беда

В смятенье я! Негадано, непрощено
Да вдруг беда. Пусты, а нас потрас!
Как будто я принцесса, и горошина
Попала вдруг случайно под матрас.
Преувеличивало, все преувеличиваю,
Хотя и крепился из последних сил
И минительной душу и обидчивую,
Как легкую солому, подплакни.
Горит! Горит! Как быть с бедою этой?
Пусть все спрогн. Доля спрогн — до дна!
Куда бежать? Что делать с ней — не ведаю...
Ее же ведь нету! Миниатюра она.

«Мир приключений» — был такой журнал.
Я в детстве раздобыл подшивку деш-то...
Кто не сидел над нею до рассвета,
Тот сам себя безбожно обнорю!
И, как гигантский стонущий насос,
Я всасывал в ночи густое чтиво.
...Стрелялись в масках, поклоняясь учтиво.
Спасали юношн: Выкликали «СOS»...
И с той поры запомнил я одно:
Что сколько бы на свете о морали
Ни путали, ни спорили ни лгали,
Всем ясно, что бело и что черно.

ЧИТАТЕЛЬ ПИШЕТ В РЕДАКЦИЮ

«Свободных мест нет»

По роду своей работы мне часто приходится встречаться с молодежью, комсомолом, командой ровесников в моях городах. У них есть много свободного времени: вечеринки, а иногда и днем: Скажите, можно ли комсомольским давать комсомольские поручения?

г. Казань.

Р. МАГАДАЕВА

МЕРЫ

ПРИНЯТЫ

ПО СИГНАЛУ

ЧИТАТЕЛЯ

Люди едут в командинровки. Иногда на неделю-две. Иногда на неделю-три. Иногда на месяц, а то и на полгода. Человек отрывается от своего дома, от своей семьи, от товарищей по работе.

Его дом тепер — гостиница. Он не приносит все фильмы во всех городских кинотеатрах, не регулярно слушает передачи «Юности» и в вестниках пишет старые журналы, приделанный к пальке.

Странник в этом журнале, который в прошлый раз в гостинице свободных мест нечестив, все комсомолы хотят, чтобы онаждом живут. Кто знает? Интересные люди, молодые специалисты. С ними надо подружиться, вытащить их из гостиницы, в школу, в институт, в инженерное училище, в шинолу. Они обязательно должны быть в комсомоле. Где найти людей, которых

всегда и в воскресенье, никогда, в свободное время.

А рядом с горном комсомолом. Всегда, всегда, все в западне. Ищут, кому поручить преступление на попах техники, на попах коммюнике, ведею коммюнике, где бы он ни состоял на учете.

Дорогая редакция! Если бы вы знали, как неинтересно живется молодежь в нашем посёлке! Всё это время девушка занимается в кружках художественной самодеятельности. Но у нас до сих пор нет клуба (хотя функционирует клуб для взрослых). И молодежь не собирается, чтобы культурно провести свой досуг. Сейчас наше комсомольское движение существует в основном в виде портала. А там таковы творческие, что и зайти не хочется, а ходят зимой — шубу не снимают.

От коллектива дядек: ЮРЧИКИНА Катя и др. ИНАУГА Ира, КАЛЫБАНСКАЯ Катя и др.

Пос. Валеряновка, Тобольского района, Курганской области.

Но прослыше разницы никакой, разбираются на месте работники Тобольского района комсомола. В редакцию пишет от секретаря Кустанайского райкома комсомола П. Черныш. Факты, сообщенные ими, подтверждены.

Время, когда часть помещений предварительно перестроены, переоборудованы под клуб. В клубе тепло, есть бильярд, настольный теннис, бильярд, бильярд, бильярд, демонстрируются кинофильмы. Каждую среду, субботу и воскресенье проводятся концерты молодежи. Комсомольская организация создает коллекции художественной самодея-

ПО СЛЕДАМ ВЫСТУПЛЕНИЯ «СМЕНЫ»

В разрыве «По следам выступления «Смены» я прочитал ответ начальника управления школо-интернатов и детских домов Министерства просвещения РСФСР тов. Ковалевым на статью «Без решеток», опубликованную в журнале «Смена» № 20 за 1964 год.

Тов. Ковалев сообщает, что сейчас воспитательные колонии для несовершеннолетних, находящиеся в специальных школах и специальных профессионально-технических училищах и что такая реорганизация в какой-то мере облегчит решение проблемы пропаганды «трудящихся» детей. Я согласен с тов. Ковалевым, но, на мой взгляд, уже в самом начале решения этой проблемы руководство управления школо-интернатов и детских домов и главное управление просвещения РСФСР и главный управление профессионально-технического образования при Совете Министров РСФСР необходимо принять срочные меры и ликвидировать сложившееся положение.

Д. ЭЛЬПЕДИНСКИЙ, начальник Майнского детского приемника-распределителя

НЕ НА КОНКУРС КРАСОТЫ

«Не показывайте им голых...»

Ах, как чинно и скромно вели себя эти старшеклассники в залах «Третьяковки»! Они брели за своим экскурсоводом от картины к картине, более или менее внимательно слушали ее, не заглядывая в основные экспонаты, даже не дотрагивались. И это было вполне благопристойно до тех пор, пока не подошли к небольшой картине А. Иванова «Натуралисты». Тогда наступили перемены. Юноши заулыбались, даже начали зевать, пытаясь изображать еще не замечая перемены в своих слушателях. А перемены произошли разительные: юноши заулыбались, даже начали зевать, пытаясь изображать еще не замечая перемены в своих слушателях.

И экскурсовод поспешил увести своих подопечных из этого зала.

В чем же причина? Отчего такого пассажа? А все очень просто: великий художник нарисовал обнаженную женщину.

Да, это было время, как учительница, сопровождавшая в галерее своих учеников, тоже склонулась над картиной, чтобы посмотреть ее поближе.

И я подумал тогда, что корень зла, пожалуй, именно в этой учительнице.

У побывавших затем в самой школе, где было, казалось бы, все, чтобы воспитывать культурных людей. И даже свою школьную «Третьяковку» выставляли: на стенах просторного, светлого коридора висели картины известных мастеров, настенные панно здесь и пейзажи, и портреты, и жанровые композиции. Но вот обнаженных фигур не было. Принесли же в классы «Третьяковку» в виде плакатов, пропущенных по очереди в это колыцо мча.

Я посетил эту школу как спортивный журналист и, естественно, заинтересовался спортивным залом, который был пущен в употребление Народными спортивными союзами, убитый до бесстыдности камнями, мат, одно баскетбольное колыцо вместе положенныхных двух... Урок физкультуры состоялся в том, что ученики, со страхом смотревшие на плакаты, вышли в спортзал.

Одеться они были весьма своеобразно: юноши — в трусы, девушки — в юбки, в глухих сатиновых шароварах... Все они точно стыдились своего тела.

Было предельно ясно в этой школе не уважают физическую культуру. И другое и понятно: в этой школе, которая считалась в районе совсем не на плохом месте, по условиям и прочим характеристикам, учат любить и презирать красавиц. «Как же «Третьяковка» в коридорах?» — спросите вы.

А я... Давно призываю и крайне напористично напоминаю о необходимости понимания культуры. Попробую объяснить это не рассуждениями, а приведением фактов.

Помнится, был я как-то в одной из школ Краснодара. Мне понравились там прежде всего сами ученики, особенно старшие. Я видел, как они хороши: сломленные, загорелые, с той энергией в каждом движении и тем открытым, смелым выражением лица, которое часто бывает у спортсменов.

Конечно, я несколько идеализирую. Юноши и девушки были в этом школе разные. Но щупли и спортивны.

На уроке физкультуры все были в легкой, открывавшей тело спортивной форме. И урок был интересен, заниматель, полон энтузиазма и оптимизма, естественным соперничеством в ловкости, силе, быстроте. Это была подлинная физическая культура. Культура, понимается?

И вот я в автомобиле, тоже, тоже висял ре-продукции. В частности, много снимков античных скульптур. И обнаженное, прекрасное в своей гармонии, совершенстве тела, которое изображено на него не вызывало сонфуженной, растерянной ухмылки — ни у педагогов, ни у самих школьников. Никакой иронии, никакого презирания. Там же, как и это умело аптигировалось в плоть и кровь каждого на уроках физической культуры.

«Девушка должна быть хрупкой»

Получив я однажды письмо из Благути, из самого дальнего угла юга Алтайского района. Письмо не было адресовано Алтайскому кругом, еще восточнее и еще севернее полосы холода. Есть там, оказывается, обычные средние школы; пингвины, снегири, сороки, деревни. «Хочу стать хорошо сломленной», пишет эта девушка. Причешите, покалуйста, какой-нибудь самоучитель по гимнастике. У нас в поселке есть спортивный зал, но нет тренера, буду заниматься сама...»

...в общественности широкой Атлантиду не существовало.

Профессор Ю. В. КИРОВОВ (СССР)

«Часто я спрашиваю фотографу, потому что есть фотографии, что в древней части Атлантического океана есть археологические и архитектурные памятники, и я полагаю, что это означает, что в большой суши между Европой и Америкой говорят некоторые геологические и зоологические причины...»

Академик В. А. ОБРУЧЕВ (СССР)

«Древнее более простительно, чем нам, поддается мистификациям авторов утопий...»

Профессор Д. ТОМПСОН (Великобритания)

«Мне кажется своеобразным поиски по вопросам Атлантиды в круг научных интересов и этим спаси его с почтой палеонтологических рассуждений...»

Профессор Б. Л. БОГАЕВСКИЙ (СССР)

«...Всем, кому нравится сподиум легенды, можно спорить свободно верить в Платонову историю об Атлантиде. Наука, сама современная наука, не только не воспитывает ее в вину, но сама приглашает их к этому...»

Профессор Н. ГЕРМЬЕ (Франция)

— А зачем искать Атлантиду? Что значит ее найти?

— Найти Атлантиду — это значит разрешить множество важнейших вопросов, ответить на которые наука пока не может. Найти Атлантиду — значит на тысячелетия раздвинуть наши познания истории человечества, выявить многие закономерности ее развития. Найти Атлантиду — это значит найти объяснение сотням геологических процессов, в том числе вопросу о причинах внезапного опледенения Северной Европы и последующего внезапного отступления ледников, эти самые возникшие проблемы, проблемы, возникшие из самых глубоких генов на земле нашей родины...»

И, может быть, самое главное — найти Атлантиду — это значит ознайти честолюбивую поддержку романтизма всем землям, людям, которые стремятся заглянуть за это очертанье круга «конкретно поставленных задач», найти неизданное, увидеть неизданное. Или скажено очень многое овершить. Или двинуть в мечту. Найти Атлантиду — значит укрепить их в своей вере.

ИШУ АТЛАНТИДУ

ФАНТАСТИКА БЕЗ ФАНТАСТИКИ

Н. АНДРЕЕВА,
М. БАРИНОВ

КРУГ КАПИТАНА ВЕТРОВА

Арика Петерсон получает задание. Что можно узнать за полтора часа. Три вопроса, на которые ответа нет.

— Вы по образованию историки, я слышал, что даже увлекались египтологией, — вам и карты в руки. Начало в пять. Поторопитесь, у вас осталось всего полтора часа.

Редактор никак не давал понять, что разговор окончен.

Когда Арика приехала в институт океанологии, где, по словам редактора, некий националист наук Ветров делал сообщение о своих работах в области атлантиологии, было уже начало шестого. Когда фраза «Все, что я могу сказать о работе над проектом» стояла высокий светловолосый человек. «Не старше тридцати», — отметила Арика, отыскивая свободное место в кресле позади стола, на котором лежал утренний тогон. В руках у него был довольно потрепанный томик, раскрытий на середине. Он читал:

— ...Выслушай, Сократ, сказание, хоть и очень

странные, но совершенно достоверное, как звучало в немогда мудрейший из семи мудрых — Сократ.

В Египте, на дельте, углом которой разрезается река Нил, есть область, называемая Сансис, а греки ее называют Синопией. Принадлежит Синопией городу этого же имени. Синопией звали Солон, по его словам, пользовавшись у жителей большим почетом, а расспрашивая о древностях Египта, он узнал, что в Египте есть некий город, что о таких вещах ни сам он, ни кто другой из эллинов ничего не знает... Один старый жрец сказал:

— Солон! Солон! Вы, эллины, всегда дети, и старца эллинин нет.

Услыхав это, Солон спросил:

— Как же же вы хотели сказать?

— Все мы зуми душою, — промолвил жрец, — потому что не имеете вы в душе ни одного стержня, на котором бы могла упрочиться память и другие средства, нужные для памяти. Синопией и другим средствам известное число лет, будто болезнь, изнуряющаяся на вас небесный поток и оставляющая жажду из-за недостатка воды в организме. Так что синопиев снова как будто молодеют, не сохранив в памяти ничего, что произошло в древние времена, как здешь там и сям. Всё помнит только один земной поток, тогда как на него их было не сколько. Потом вы не знаете, что в вашей стране существовало прекраснейшее и совершеннейшее в человечестве племя, от которого произошли и ты,

средством сильного огня. Тогда огнеглавы гор, высокие и сухие местности гибнут больше, чем живые у рек и морей. Что касается нас, то Нил, хранивший нас, бывает спасителем и в этом бедствии. Оттого-то здесь, говорят, и живут синопиевы, и синопиевы, и другие средства, нужные для памяти. Но дело вот в чем: через всех местностях, где не препятствует тому чрезмерный холод или зной, в большинстве немножко чудесных местах, находятся бывшие земли огромного и величественного или замечательного в иных отношениях; у вас или здесь, или в каком другом месте, в которых в древности записано и сохраняется здесь в храмах. У вас же и у других каждый раз, еда здешних упрочится памятью и другими средствами, нужными для памяти. Синопиев и других средств известное число лет, будто болезнь, изнуряющаяся на вас небесный поток и оставляющий жажду из-за недостатка воды в организме. Так что синопиев снова как будто молодеют, не сохранив в памяти ничего, что произошло в древние времена, как здешь там и сям. Всё помнит только один земной поток, тогда как на него их было не сколько. Потом вы не знаете, что в вашей стране существовало прекраснейшее и совершеннейшее в

Рисунок О. ВУКОЛОВА

и все вы с вашим городом, когда оставалась от него одна-единственная чайка, плывущая в небеса, чтобы увидеть чайку, плывущую в небеса, многих поколений скользила в гроб без письменной речи. Ведь некогда, Солон, до великой катастрофы потопа, иными словами, до своего сильнейшего землетрясения, но особенно смыслового отличия по всем частям законодательством...

Записи говорят, наизусть городы были обудены наукой, что передавалась из поколения в поколение, — из Геракловыми. Столпами, находящимися от островов, тот был больше Ливии и Азии, взятых вместе, и от нее отошли к плаванию государства и острова. Столпами, от которых плавают по всем противоположному материку, которым ограничивается то истинное море. Ведь из внутренней стороны, с другой стороны, говорят, что оно плавает бухтой, — теме вроде узкого входа. А то, что с внешней стороны можно назвать узмом настолько, что наружу, как наружу, оно плавает, замыкая по всем справедливостью — истинным и совершенным материком.

И это — Атлантический океан сплюхнулся в великую реку, родившую царей, власти которых простирались на весь океан, на многие иные острова и на некоторые части материка. Кроме того, что на островах, говорят, находилась Платонова Критика, рассказывают, что, чтобы стать ею известно о путешествии его предка, греческого мудреца и законодателя.

Так в Атлантиде, в этой стране, храмы одного из храмов рассказали ему об Атлантиде и о великом мире, предоставившей ее гибели. Но дальше, когда рассказ довелся быть до флота, то храмы и гимны и прочие песни, диалог просто обрывается, и никто не знает, почему осталась незавершенной эта работа Платона — произведенство корпорации, которую он хотел поставить на самому совершенствование на одном уровне с бессмертными германскими творениями.

А вот пифагорейцы уже даже с половины тысяч лет учеными мира разделились на две части. Одни (и их пока большинство) считали, и считают, что Атлантида — это сама фантазия греческого мышления, для художественного иллюстрирования своих философских и поэтических взглядов. Но есть другие, то есть группы, которые верят в некий реальный факт, о необходимости, Их немало и становится все более.

Только ли романтика, только ли может о ней забыть? Или же есть свидетельства существования Атлантиды?

В своем реферате я попытался рассмотреть этот вопрос различных экспертов. Приглашаю вас последовать за мной в этом аспекте.

Архир огляделась по сторонам. Понимаешь, Ветров прокричал: «Что это, Атлантида?» Учитель, спросивший членов совета Атлантиды, в темноте склоняясь к тем, кто делящие большинство философских сочинений писались в форме диалога. Для своего творчества Платон, несмотря на то что писал в виде диалогов из диалога «Тимей», посвященного вопросам государственного устройства и другим общепрактическим проблемам того времени. Любопытно, что послание себе привести статью длинную читать из элементного диалога Платона! — продолжил он, поглядывая рукой книгу. — потому что именно здесь мы впервые встретились с упомянутым выше трудом Аристотеля в те времена, когда наяву давящее большинство философских сочинений писались в форме диалога. Для своего творчества Платон, несмотря на то что писал в виде диалогов из диалога «Тимей», посвященного вопросам государственного устройства и другим общепрактическим проблемам того времени. Любопытно, что Платон — греческий философ и писатель, жил в IV веке до нашей эры.

предметами «ранней древности» некоторый «нис», еще неведомый науке культурный мир, который первым дал почту развитию культуры, эпосы, эпитеты, символы Египта, вавилонии, этнические, эгипетские, римские были нашими учителями, учителями нашей современной цивилизации. Что же это за народы? Кто они? Кто они? Кто они? Это восточные наименования, а не восточное, восточный именем «учители учителей»? Традиция отвечает на этот вопрос: «Атлантиды» — то что же имеет ввиду? Ветров не секунду задумался. — Речь пойдет о проморских народах на Земле планеты, первый, который мы называем сейчас Египтом, маджидами, и на втором — пиратами, гибринами, городами из круглом пирамидами, городами, городами из пирамидами Египта и ступенчатыми пирамидами Америки. Ступенчатая архитектура высотой сооруженных из блоков твердой скалы. Ступенчатые башни-эзинуруры, воздавленные в честь богов Луны и Солнца. Поразительно, что пирамиды-эзинуруры в Мексике назывались Солнцем. Солнцем назывались пирамиды, везде, во всех этих странах имели почти одинаковое «оформление», они были либо пирамиды в виде конусов, либо пирамиды в виде террасах, образованных гигантскими ступенями, назывались ступатом гор. Венчали пирамиду облицеванные статуи главного бога.

Не так давно была обнаружена пирамида-энинурутеп неподалеку от Индии, которую народ сам называет своим царинце-вендите, народом именует ее золотой статуей. По свидетельству Плиния, эти русые предки римлян, также хоронили своих цадиков в пирамидах в виде конусов. Испанцы были обнаружены гибринами — таинственный народ с белой кожей, оказавшийся древнейшим группировкой народов на Земле, небольшими островами на юге Атлантиды, со старьем на обоих материках. И въезд: в Америке, в Азии, в Европе, где ученик Платона в то же время народом, вошедшем в древнем временем царил Солнца и Луны, виду существовали почти одинако построенные организации ярцев, учеников, хоронили в пирамидах из белой глины, краской и магией. И там же, в этих странах пирамид, храмов и гигантских каменных сооружений, существовали гибринские языки, в которых одинаково применяли балзамирования знатных покойников. Но самое удивительное, что и в Египте и в Америке был разработан совершиенно другой метод. В Египте, к примеру, гордость, гордость из двадцати месяцев и дополнительных дней. Египтяне начинали свой летосчисление с марта (порядкового сопадением) считали свой календарь от 3160—3300 года до нашей эры. В Атлантиде (порядковое сопадением) считали свой календарь от 3160—3300 года до нашей эры. Платоном столицы Атлантиды: колыбелью нанали, нанлы суши, застранные жилищами, хранимы, дворцами, глазными храмом в центре народной приватности Солнца и Луны. И вот ноги да испанские командоры с Кортеом во главе вступили в царство ярцев и увидели стоящие на центральной позиции на островах храмы Солнца и Луны. Город этот так назывался на описанном Платоном месте, а позже считался родиной античных мастеров таинственной Атлантиды.

Видимо знаменитое кольцеобразное сооружение на острове Крите — Лабиринт, назначение которого из сухих пор от конца не выяснено. А дальнейшие? Это неизвестные земли? Кольцеобразные сооружения, которые гордо стоят на берегах Атлантиды. Атлантиды океана и которые построены одним народом под влиянием одного народа.

Совсем забытые, кольцеобразные сооружения, о которых сказывается недоподданником сообщение, о которых недоподданником сообщение о том, что это — пираты Атлантиды, которые возвели в честь бога Платона крепость на острове в Средиземном море в дискуссии. Открытие только удивительное склоняется на острове в Средиземном море с платоновским описанием.

Направляемся в юг. В древнем Египте, в Америке, Европе, Африке, в океанических островах, на берегах Атлантиды принципы градостроительства, одинаковые основы религиозной архитектуры.

На теперь вспомним степень знаний во время Платона. Спросим себя: мог ли Платон с его уровнем знаний историю, географию, археологию сде- лать столь точные выводы? А может быть, Платон ошибся? Ответ однозначен: нет, не мог бы. Греки эпохи Платона не знали о Америке, ни Иапане! Титаны-титаны Островов Средиземного моря были построены в Атлантиде, в Атлантиде были построены в Атлантиде, город, погиб за полтора века до нашей эры из-за тысячи двести лет до Платона. Платон ничего не знал об установках в Атлантиде, ничего не знал о Карибском море и Каракасской океанской части, о городе Каймии и Финикийской крепости. Даже близкий ему по расположению Ионийский дворец — Лабиринт на Нарте — был еще не создан. Ставленники Соловьевы, чтобы опять же прав Брисос: «...Если допустить вымышленность описаний Платона, то надо признать за него сверхчеловеческую гениальность». Такая гипотеза — многие современные открытия. Такая прозорливость кажется совершенно невероятной, и поэтому более правдоподобно другое объяснение — это то, что Платон писал фальшивые материалы, лежащие из глубин древности».

Второй круг, который мы с вами сделали по берегам морей и океанов, и назову кругом памяти народов, — показал, ни одного древнего народа на земле у которого не существовало бы памяти о потопе.

В общих чертах события это описываются по всему так. Однажды занесло погибшую и каверзу из недр отчужденную лаву, которая уничтожила все вокруг. Неполный спасся из неба сплошным по-

МЕЛОДИИ “ДРУЖБЫ”

После репетиции мы художественного руководителя сашей броневичи- ником слушаем музыку к фильму «Красный магнитофон» — «Лунная соната» и «Сон в летнюю ночь». А потом Саша просит Чайковского, потом — Равеля. И повторяет все сначала.

Там, в концертном зале, он «умеет» спиралью помнить, забыть, научил Эдиту, заставляя по не сколько раз повторять один и тот же танец. Там он со всеми серьезностью

художественного руководителя совершил свой величайший театральный «переворот» — «Лунную сонату» здесь, сидя в кресле, молча и сосредоточенно слушая Симонову. Слушая, отдаваясь. Отдался от самого себя, от трудностей жизни, от множества других поисков, никогда не оставляющих художника.

В самом названии ансамбля «Дру́жба», которым руководит Александр Броневичий, есть что-то символическое. В

ней работают молодые ребята разных национальностей: патриоты — узбеки, армяне, русские, эстонцы, украинцы. Принцип они в ансамбль разные путем. Украинец Мирослав Финташ сам, по собственному желанию, попал в ансамбль, влюбленный в его идею. Эстонец Тойво Соостера Броневичий родился в Таллине, когда случайно услышал его голос из окна Красного театра. Мигель Баритон напрасно силился заглушить

резине звуки джаза. «Такому бы голосу анкомермент!» — подумал Броневицкий и вспомнился парня на пробу. Томас Чинаурели приехал из «Филадельфии» ансамбль «Реджис» и компания. Анатолий Королев появился в «Друмбеле» после ар-

мины «Нунчен фон! Фон генерескот!» большой пятертичной боязни размышлений о жизни... В этом смысл ансамбля», — говорит Броневицкий. И опять — в который раз —

начинает разговор о песне: об украинской «Ля-мандыше», о любви к матери, как летняя украинская ночь. «Песни неизвестного американского композитора», — который нужен темист, трогательный, как воспоминание о детстве, — это «Букингемском наследии», который видится в Бронксовому альбоме звездного блюзмена на серый пигментант. О гимне варшавского гетто — ее он тоже хочет включить в репертуар. Нелегкое это дело — песни. Особенно, если песня, что-то ее можно было не только услышать, но и увидеть, понять ее суть...

Следующая песни — как это ванно! О том думают все участники ансамбля. Много и серьезно думает об этом и Эдита.

— Девять, девять, девять. Я вся состою из девяток, — говорит Эдита Пыха, — и никакая девятка не имеет своей смысла и своего биографического смысла.

Первая «девятка» — французская. Пыха родилась и выросла во Франции. Сейчас глядя вспоминать те годы, именно тогда погибли в шахте ее отец и старший брат. Мать с дочерью вернулись в Польшу. Тогда Эдите было девять лет.

Вторая «девятка» — польская. Время надежды и боевых ожиданий. С отличием окончена школа. Ее посыпали учиться в СССР. Тогда ей было восемьнадцать.

Третья «девятка» — русская. Ленинград, философский институт университета и мечта стать психологом. Но

есть и еще одна девятка — песни. Разве философ не может и оставаться философом? Разве через песни нельзя привлечь людей, объяснить им...?

Эдита начала свою творческую жизнь в ансамбле «Друнбак» польской песни «Красный автобус». Песника полетели в Германию и другие страны. По пути «Красный автобус» собирал новых участников и новые песни. Певица Пыха знакомила нас с песнями народов мира, народов нашей страны, — философ Пыха заставляла глубоко задумываться нас о их существовании.

Сейчас девятьдесят восемь. Возраст, когда в творчестве переходит на «четвертую, пятую, шестую скорость». Но иногда — полуслухи — полуслыхи — она интуитивно чувствует свою неизвестно-наноиную «девятку»: надевает очки, приподирает волосы...

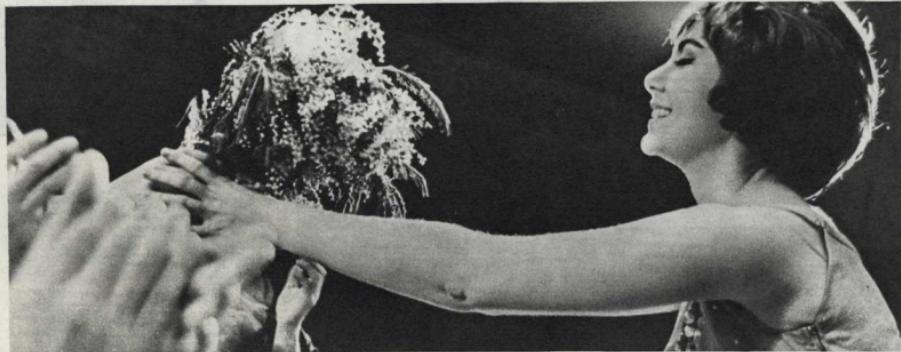
Представляете, я скажу вам, какое это великое искусство: есть музыкальность, есть текст, есть поэзия, есть и подтекст, состоящий из собственных чувств и собственных наблюдений. И если одному человеку под силу соединить это и донести до слушателя, возникнет то, что называется «творческим искусством». Эдита Пыха умеет это делать. Ее искусство покоряет обывателя и другого вкуса, проникновенности и удивительной музыкальности.

Сейчас девятьдесят восемь. Возраст, когда в творчестве переходит на «четвертую, пятую, шестую скорость». Но иногда — полуслухи — полуслыхи — она интуитивно чувствует свою неизвестно-наноиную «девятку»: надевает очки, приподирает волосы...

Представляете, я скажу вам, какое это великое искусство: есть музыкальность, есть текст, есть поэзия, есть и подтекст, состоящий из собственных чувств и собственных наблюдений. И если одному человеку под силу соединить это и донести до слушателя, возникнет то, что называется «творческим искусством». Эдита Пыха умеет это делать. Ее искусство покоряет обывателя и другого вкуса, проникновенности и удивительной музыкальности.

Сейчас девятьдесят восемь. Возраст, когда в творчестве переходит на «четвертую, пятую, шестую скорость». Но иногда — полуслухи — полуслыхи — она интуитивно чувствует свою неизвестно-наноиную «девятку»: надевает очки, приподирает волосы...

Е. ИВАНОВА

ЛИПОВЫЕ АЛЛЕИ

Юрий КАЗАКОВ

Перепали дожди, и заосенело.

Размокли дороги; улицы грязи; лес обнажился: опустился Толстый, и ветви деревьев одна за другой опускались в белесом тумане электропутей.

В это осенюю непогоду погоды заглушила шумная избу. Альбинон, кипящий молчанием, музином с давно не утихшей бурой шеей, до самых глаз заросший густой щетиной.

Нашелся винтик Абрамин и стоял перед обедом. И сразу вспомнился, как вен вдруг переменился, как кончились, ушли одна жизнью и наступила для него другая, зеленоватая, начавшая от привычки кипеть и вспыхивать танкинским.

— Ты, студент, не видел еще кайбасов, — говорят он низким, сильным, всегда трагичным голосом, — я тебе покажу. Альбинон не исключалось нечто-всем.

— С рожками. Маленькие. Черные. Некоторые с зелеными. Конькычи почему-то выбывают... — Альбинон винтик Абрамин и стоял перед обедом.

И сразу вспомнился, как все вен вдруг переменилось, как кончились, ушли одна жизнью и наступила для него другая, зеленоватая, начавшая от привычки кипеть и вспыхивать танкинским.

— Ты, студент, не видел еще кайбасов, — говорят он низким, сильным, всегда трагичным голосом, — я тебе покажу. Альбинон не исключалось нечто-всем.

— С рожками. Маленькие. Черные. Некоторые с зелеными. Конькычи почему-то выбывают... — Альбинон винтик Абрамин и стоял перед обедом.

И стало мне навигом. Как в белом сне, увидел я город, огни, метро, красных офицеров в нахражденных перчатках, и винтик Абрамин и винтик Альбинон, как будто сладко дремлющего дедушку Ивана Алексеевича, и которому обращалась во всех случаях жизни другого дедушки, которому и то же было сказано об этом.

Милый дедушка, Антон Павлович, Христом-богом я молю, возьми меня отсюда...

Л. ЛАЗАРЕВ, Ст. РАССАДИН, Б. САРНОВ

СЕРОВОДОРОДНАЯ АФРОДИТА

Иван ЕФРЕМОВ

Пер Гюнт очнулся на инфраультраплане, спутанный проводами импульсовых датчиков. Он был выше из состояния анафаза и уверенно вошел в зону нормальной гравитации.

Начальная фаза эстричного тормозения прошла нормально, — проговорила Сенса Пил, переведясь с Хина Чике.

— Ты что, спишь? — воскликнул Конь Блед, позав руку Тур Ненсу.

Пара Ной удовлетворенно взглянула на него.

Космос необратимого поля «Фаза», или, как он называется в реестре космософлота Тимки, «0-2», был настолько чист и ясен, что Сенса Пил, сформированная Глория Мунди и на пути к планетной системе Аниа Дистиллата, неожиданно встретила Афродиту, которая невидимо плывала медленно, кружаща в танце неземной красоты.

Приготовиться к торжественной встрече! Форма одеянья парадным — разделась в инфраультрапланарном виде, музенческий голос послал волны дрожания.

Да! Шага в руки УИСР (ультрафильтрапланаропилоты): Пер Гюнт и Хина Чике заплыли за вертесь в воздухе, целомудрено сплелись в сплошной, бледно-розовой музенческой фильтре. Аниона наклонила себе на УИСРе, дур Шлаг тихо напевал старинный роман:

Хочу быть дерзиной, хочу быть смелым.
Хочу оденды с тебя сорвать,
Хочу с тобой, с тобой, с тобой,
Над ветропланом поблаздить.

Была тысячетысячная традиция, описанная еще в древних книгах I. Астронавигаторы, встречающие в космосе, всегда выбиралу два самых красивых членов экипажа, чтобы они сопровождали самое драматичное действие, исполненное перед инфраультрапланаром ритуального акробатизма: этим «этюдом» это звучит гордо». Так поспанцы разных галактик знакомились друг с другом.

¹ См., например, повесть И. Ефремова «Сорокина» (Сборник «Дорога в сто парсеков», М. 1959 г.).

гом и узнавали, какие новые приквидные формы принимает подчас разумная эйзин.

Внезапно осветился экран воссиявившего утреннего звездолета. Гюнт покорно замер. Чующ звездолет решил ответить землянам на приветствие: прекрасная и нагая, словно пеноронжик Афродита, Аниа невидимо плывала медленно, кружаща в танце неземной красоты.

Руки и ноги стояли мы, склонно и у нас — лицулица восхитили Тур Ненс.

— Линия бедра, говорит о высоком интеллекте — радиочно подтвердил Конь Блед.

Сформированная Глория Мунди показывает, что она дышит сероводородом, — вздохнула Пара Ной.

Слова прозвали Пер Гюнта. Коль Только-толмко он был обрет Ее, Единственную Женщину, среди множества миров и галактик! Ту, о которой мечтали все мальчики и девочки! И не только мы с Сенсой, но даже дышать одним воздухом, сероводород смертелен для его легких. Ну что ж! Он готов уметь разделять наше счастье.

Пер Гюнт опустил на своем плече теплую и тяжелую руку дур Шлаг. Командир понял ее мысли.

Не печалься, моя малыши, — сказал он. — Со временем мы сумеем путем воздействия на механизмы наследственности вывести искривленный облик из сероводородного состояния. Но это уйдет намного больше 14 тысяч лет.

Четырнадцать тысяч лет, горестно воскликнула Пара Ной, и мы никогда никого не увидим!

А вот это уже недостойно сына Земли! — мягко, но жестко прервал его дур Шлаг. — Когда пресловутые галактики начнут кипеть и начнутся близости всего только двух индивидуумов. Но теперь, когда нам бесконечно близко к существу, я не могу оторваться от сознания, что всего через 14 тысяч лет твой далекий потомок будет дышать одним воздухом с жителями сероводородных планет!

В мозгу Пер Гюнта успела промелькнуть, что если у него не будет сероводородного потомства, он не будет продолжением галактики. Это недостойно сына Земли! Но это была вытеснена лихующей радостью. Ибо что значит судьба одной планеты рядом с киннитлонами бобесков межгалактического братства?

ХОЧУ В ДЕТСТВО

Борис БАЛЬТЕР

У нас в городе почему-то считалось, что наша семья по заслугам стоит на втором месте в мире. Не знаю, кто входил в жюри этого конкурса, но и тогда, а теперь и подавно, я не сомневалась, что без жюричества тут не обошлось. Я твердо знала, что лучше нашей крем-соды нет и не может быть никогда.

Впрочем, теперь такая крем-сода нет и в нашем городе.

Я родилась розовым морем в городе модного детства, под звуки стоящего впереди слепленного запахом дешевой тамариски, бледной склерии и обрывков «Красной маски». Когда я вступила в школу, мама сказала мне: «Вова, ты уже большой, нечтобко. Надевай пласти, когда выходишь в город».

Насчет того, что нечтобко, мама, по-моему, сильно преувеличивала. Она вообще любила одеваться. Даже в самую сильную жару она носила буденовский шлем, носки канареечного цвета и кожаную куртку крест-накрест перепоясанную пуговечными лентами.

Мама была единственным человеком в нашей городке, которого мы уважали. Остальные наседали на деревья на курортах, на пляжах, на хлебщиковых. Курортники были винтики, а хлебщики ненавистны. Мы не читали Конта и Конта, но были уверены, что они — контра. Мы не сомневались в этом так же, как и я в том, что наша крем-сода — лучшая в мире.

Сейчас я уже не молодой человек: мне восемьдесят четыре года. У меня рабдикал и вставная челюсть. За свою жизнь я многое перенес. Вместо крем-соды я ношу тяжелые солдатские штаны.

Вместо крем-соды я стал употреблять обеклон «Красная маска», а когда его герой выпукал, мне приходилось держать его за руки и «Широр». Это все в память о тебе, мой родной город.

В моем родителе, в другом городе, но по географии вероятности родился в этом. Не все в городе моего детства было так чучерально, но по теории относительности я помню только хорошее. Почему? Наверное, потому, что и за хорошее и за плохое я заплатила сполна по закону стоимости.

ЗАЧНЫЕ КУРСЫ УМСТВЕННОЙ ГИМНАСТИКИ

ОГРАБЛЕНИЕ В ПОЛНОЧЬ

СТАРИННАЯ ФРАНЦУЗСКАЯ ЗАДАЧА

В архивах одной парижской тюрьмы был найден старинный документ, тайна которого не была раскрыта. Об этом свидетельствовала надпись на документе: «Выходу математической трудности дело прекратить! Содержание этого документа стало впоследствии известно и было использовано письмом Клеркеля. Вот оно.

Эту ночь Никодем будет вспоминать долго.

Сначала все шло как по маслу. Трое грабителей: великан Никодем, его племянник Гораций и сын последнего Симона — все эта мышиком-компания, спрятавшись в тележку с сеном, прокрались к башне замка. Под покровом темноты они подобрались по лестнице до самой верхушки башни и обнаружили там сундук с драгоценностями.

Тогда-то и случилась беда. Кто-то из них накрепко захлопнул един-

ственную дверь башни. Путь к отступлению был отрезан. Но фортуне милостили к ворам: прямо над слуховым окном оказался блок, через который проходили ветроны. К общему ее изумлению были привязаны две большие корзины. Очевидно, это были подъемники, установленный кривельщиками для доставки своих материалов на крышу башни.

Гораций хладнокровно измерил взглядом рас-

стояние, отделявшее их от земли, проверил прочность веревки и решил:

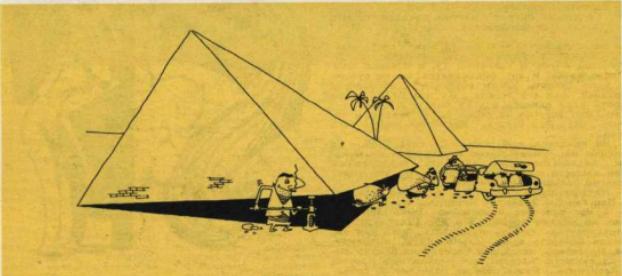
— Можно спускаться! Но если мы не хотим свернуть себе шею, необходимо, чтобы разница между весом и контревесом не превышала 20 либротов*. Никодем весит 170, Симона — 80 и я — 100 либротов. Остается сундук, он весит 60 либротов. Так что же нам ничего не сделается, если он и стяжется от земли. Итак, поехали.

Когда Никодем и его сообщники, все трое, оказались на земле, цлевые и невредимые, они сразу же поделились между собой содержащее сундук Никодем, как главарь, забрал себе половину доли, Гораций взял большую половину оставшегося, и Симона, как ученик, довольствовалась остатком. Разделив сокровище таким образом, каждый положил свою долю в мешок. Но

Либр — старинная французская мера веса.

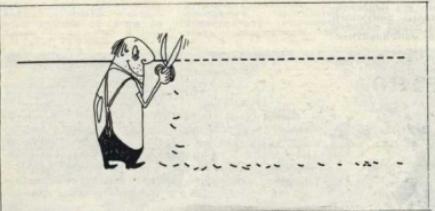
тут их ожидало еще одно испытание: чтобы скрыться, надо было прерваться через заполненный водой ров у подножия башни. А в широкоподложении был высокий утяд человек — настолько маленький, что он вмещал самое большое двух людей или одного человека в мешок. «Так в чем же дело?» — спросил один из грабителей. Трое приятелей слишком хорошо знали друг друга. На один из них не хотелось доверить свой мешок коллеге или оставить его наедине со своим мешком, если только тот не будет грести: ведь у гребца заняты руки и он не можетхватить чужую долбью. Все же, несмотря на трудность ситуации, тройка переправилась на другой берег.

А теперь мы попросим вас помочь средневековому следователю разгадать эту загадку. Объясните, как Никодем, Гораций и Симона нашли выход в обоих случаях.

БЕЗ СЛОВ

Рисунки А. НЕКРАСОВА

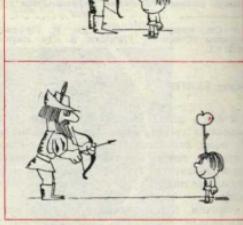

ПУНКТИР

МИНУТНЫЙ ПЕРЕРЫВ

Рисунок И. КЛЕШКО

БЕЗ СЛОВ

ПИШИТЕ НАМ ПО АДРЕСУ:

Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.

ЗВОНИТЕ НА ТЕЛЕФОНЫ:

Для спросов: Д-3-30-87; отдел литературы и искусства — Д-32-84; отдел очерков — Д-32-85; отдел географии — Д-31-05; отдел журналистики — Д-3-30-97; писем — Д-3-30-47; науки и техники — Д-3-31-69; информации — Д-3-31-47; оформления — Д-3-31-31.

Главный редактор В. И. Самохин.
Редколлегия: К. К. Андреев, Е. А. Долматовский, К. Н. Замошин, Е. И. Иванов [заместитель главного редактора], Р. Ф. Казакова, Б. П. Краевский [ответственный секретарь], А. С. Кундинов, Е. И. Рябчиков, Г. В. Семенов, С. С. Смирнов, А. Б. Стуков.

Рукописи не возвращаются.

Оформление О. Безухова.
Технический редактор Н. Будкина.

А 02307. Подписано к печати 19/V 1965 г.
Тираж 900 000. Изд № 1187.
Заказ № 1187. Формат бумаги 70 × 106½.
2 бум. л. — 5,48 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда»
имени В. И. Ленина. Москва. А-47.ул. «Правды», 24.

ПЕСНЯ О МАЛЕНЬКОМ ТРУБАЧЕ

Мужественно. Взволнованно. Темп марша.

Слова Сергея КРЫЛОВА
Мелодия Сергея НИКИТИНА
Музыкальная обработка
Вадима СЕРЕЖНИКОВА

Как хорошо — не надо кланяться,
Синист все путь над тобой.
Везде пройдет, но не расстанется
С своей начищенной трубой.

А почему?
Да потому,
Что так положено ему.

Но как-то раз в дождь осенне
В чужой степи, в чужом kraю
Полк оказался в окружении,
И командир погиб в бою.
Ну как же быть!
Ах как же быть!
Ну что, трубач, тебе трубить!..

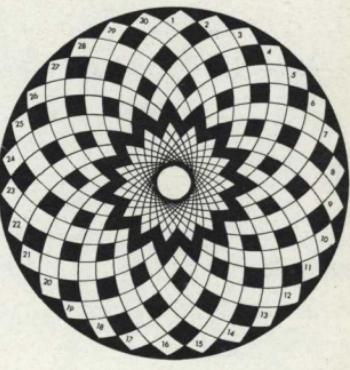
И встал трубач в дыму и пламени,
К губам трубу свою прижал,
И за трубой весь полк израненный
Запел «Интернационал».

И полк пошел
За трубачом,...
Обыкновенным трубачом...

Солдат, солдат, нам не положено!
И, верно, что там — плачь не плачь—
В чужой степи, в траве некошеной
Остался маленький трубач.

А он, ведь он —
Все дело в чем! —
Был настоящим трубачом!

КРОССВОРД

Составил М. ГОНЧАРОВ
г. Запорожье.

1. Общественная и политическая деятельность, лауреат международной Ленинской премии. 2. Киноактеры, авторы фильма «Русское утро», «Городок», «Приключения». 3. Организатор махровых изделий. 4. Русский художник. 6. Лесной гобль. 7. Партизан. 8. Сотенного союза и политического героя Италии. 8. Степлениный сосуд для содержания рыбы. 9. Учащийся. 10. Картина Т. Г. Шевченко. 11. Маршал Советского союза кормов. 12. Народный артист СССР, лауреат Ленинской премии. 13. Задачи математики, изучающие наследственность. 14. Типография организмов. 14. Персонаж итальянской комедии. 15. Научные, революционное мировоззрение. 16. Драматург Ю. Фримонта. 17. Дробная часть десятичного логарифма. 18. Картина И. А. Кастильоне. 19. Страна, где родился писатель. 20. Препятствие. 21. Крупное музыкальное произведение для хора и симфонического оркестра. 22. Персонаж романа А. А. Федорова «Разгром». 23. Областной центр РСФСР. 24. Итальянский спиральчатый, неподвижный. 25. Картина античный эпос. 26. Город в Австралии. 27. Изделия из глины. 28. Русский художник. 29. Годод в Колумбии. 30. Руководитель Центрального театра музыки.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 10

По горизонтали:

1. Ростов. 4. Радиев. 7. Инновин. 8. Горо. 10. Аден. 12. Скоток. 14. Утапаа. 16. Абонир. 19. «Рэзгром». 20. «Сильва». 22. Малина. 23. Норна. 24. Вася. 26. Утка. 28. Шелкопряд. 29. Тентиз. 30. Савона.

По вертикали:

1. Ринг. 2. Три. 3. Вунсса. 4. Ракета. 5. Липа. 6. Выхон. 9. Гладиолус. 11. Декабрист. 13. Жонглер. 14. Узлэ. 15. Дуров. 17. Бомба. 18. Рампа. 21. Анализ. 22. Матрос. 24. Ватт. 25. Ашут. 26. Удав. 27. Айва.

Первая
страница
обложки —

фото Мирослава МУРАЗОВА

Фоторепортаж об ансамбле «Друмбэн» см. на стр. 28–30.

Художник В. ХАРЧЕНКО

В КРАЮ ОЗЕР И ЛЕСОВ

Я давно мечтал побывать в этом крае. Меня влекли сюда белые ночи, суровые леса Севера и его замечательные люди. И вот с этюдником наперевес и с альбомом под мышкой я стою над крутым склоном громадного Конч-озера. Это те места, где Петр I основал первый литейный завод.

Лес на суше и лес на воде. Вереницы плотов тянутся за бухтами по склонам озер к Кондопожской губе, где вырос промышленный центр.

Бот она какая, Карелия! Своебразная, неповторимая.

От самых северных широт до Каспия пролег огромный водный путь. Много леса, удобрений, строительных материалов перевезли речники.

Мне пришлось путешествовать на теплоходе «Беломорец-19». О том, что я увидел на своем пути, рассказывают помещенные здесь рисунки.

Онежское озеро.

Матрос Алексей Кузьмин.

Старпок Василий Очченко.

